

Валентина Нестерова

НЕФЕРТИТИ

или Прекрасная пришла

Валентина Нестерова

**Нефертити,
или Прекрасная пришла**

«Издательские решения»

Нестерова В.

Нефертити, или Прекрасная пришла / В. Нестерова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506845-3

Описывать ее бесполезно, ее нужно видеть — так сказал знаменитый археолог Людвиг Борхард, найдя в мастерской Тутмоса в Египте статую загадочной царицы. Кто она? Как сложилась ее жизнь? Какая великая любовь сотворила бессмертное творение? Пески Эль Амарны, свидетели великой любви и великого предательства, расскажут вам удивительную историю о Той, о которой говорили — Прекрасная пришла!

ISBN 978-5-00-506845-3

© Нестерова В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	29
Часть вторая	37
Глава первая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Нефертити, или Прекрасная пришла

Валентина Нестерова

Издание второе, исправленное.

© Валентина Нестерова, 2019

ISBN 978-5-0050-6845-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АМЕНХОТЕП ТРЕТИЙ – фараон Египта, отец Эхнатона

ЦАРИЦА ТЭЙЕ – царица, мать Эхнатона

АМЕНХОТЕП ЧЕТВЕРТЫЙ, ЭХНАТОН – фараон Египта

НЕФЕРТИТИ – законная жена Эхнатона

ТУТМОС – главный скульптор Египта

ААНЕН – первый жрец бога Ра, брат царицы Тэе

ТИИ – мать Нефертити и Мутноджемет

ЭЙЕ – воспитатель Аменхотепа младшего, муж Тии

МУТНОДЖЕМЕТ – младшая сестра Нефертити

МЕРИТАТОН – первая дочь Нефертити и Эхнатона

МАКЕТАТОН – вторая дочь

АНХЕСЕПААТОН – третья дочь

КИЯ – жена гарема Эхнатона

СМЕНХКАРА – первый сын Эхнатона и Кии

ТУТАНХАТОН – второй сын Эхнатона и Кии

МАЙ – ученик Тутмоса, носитель опахала справа от царя

ХАРЕМХЕБ – военачальник, муж Мутноджемет, фараон, разоривший Город Солнца.

Часть первая

На восходе Солнца

Глава первая

1

Солнце только проснулось. Было нежным, как пяточка новорожденного ребёнка. Белые лепестки лотоса розовели в его лучах, как юные девы, только что познавшие любовь.

Ладья «Сияние Атона» скользила по озеру, нежащемуся в каменном ложе, искусно вырезанном руками рабов. Берега охраняли львы, естественно, тоже каменные. Бог земли Геб любил египтян: когда надо, превращал скалы в масло.

Дворец в Малькатте – подарок фараона царице, любящего мужчины любимой женщине – исходил запахом разгорячённой плоти. Его колонны были так высоки, что солнце разгуливало по анфиладам с утра до ночи: царь с царицей не скрывали своих чувств ни от кого, как Осирис и Исида повелевали природой и людьми.

На фронтоне дворца Аменхотеп Третий распорядился рядом со своим именем лазурью вывести имя законной жены, признавая её богиней Египта. Ни один из фараонов ещё не осмелился на такое...

Тэ́йе торжествовала.

Но этим утром в ладье была не богиня, не жена, а мать, чей пятилетний сын напоминал ей саму себя равнодушным умом и жаждой перемен.

– Вырасту, женюсь на тебе, – торжественно провозгласил Аменхотеп младший, и поджал губы, выразительно демонстрируя: слов на ветер он не бросает.

– Знаю, любишь меня, но жениться, – мягко возразила царица.

– Папы дочек любят и женятся на них. Значит и сын может жениться на маме, – заупрямился мальчишка.

– Твой ум течёт против течения. Это ни хорошо, ни плохо. Это опасно, сынок.

– Почему?

– Люди не любят перемен...

– Почему?

– Такими их сотворил бог.

– И я буду богом, и переделаю людей! – пухлые детские губы задрожали от возбуждения.

Весло с размаху ударило по стеблю лотоса в воде, срезанный цветок шлёпнулся к ногам царицы.

– Смотри, котёнок прыгнул, наверно, хочет покататься с нами, – не обращая внимания на лишённое жизни растение, которое мать поднесла к губам, пытаясь воскресить его своим дыханием, сын фараона потянулся к борту, протянул руки отважному пловцу.

Тут на берег выбежала девочка, крикнула: Сыночек Солнца, я тебя спасу, нырнула за котёнком и... скрылась под водой.

От неожиданности все замерли. Только один из гребцов не растерялся. Несколько сильных взмахов, и на его руке повисла малышка, прижимающая к себе фыркающего котёнка.

– Я спас её и тоже на ней женюсь, – заявил Аменхотеп младший, когда отважную девочку потрясли вверх ногами, из неё вылилась лишняя вода, и она открыла глаза.

– А мой Сыночек Солнца? Ты его спас? – увидев рыжего любимца, мотающего мокрой головой, с любовью посмотрела на отважного мальчишку Нефертити, и будто насмотреться не могла.

В шёлковых волосах девочки запутался цветок. Аменхотеп младший высвободил нежные его лепестки.

– Лотос – отец бога Ра, а моё сердце – твой дворец, – сорвались с его губ слова... новорождённого поэта.

– Раньше тебе нравилась сказка, в которой бог солнца был сыном небесной коровы, – лукаво напомнила сыну царица Тэйе.

Но маленький Аменхотеп не слышал её.

2

– Моя львинолицая жена, я жду тебя! – Аменхотеп Третий появился у причала, который более казался театральной бутафорией – так ажурно были выточены из алебаstra перила сходен; но овальные гранитные ступени, к которым вплотную могла подойти ладья «Сияние Атона», не вызывали чувства нереальности.

Фараон стоял, раскачиваясь с носков на пятки, будто нагоняя волну, которая поторопит его драгоценную супругу.

– Что это, у меня в глазах двоится? – шутливо спросил он, когда ладья подлетела к берегу.

– Мне тоже подумалось, уж не родила ли я двойню? И не похитили ли у меня дочь, как две капли похожую на нашего сына? – протянула руку и щёку для поцелуев царица Тэйе.

– Кажется, это дочь придворного Эйе. Его жена приносила мне показать девочку...

– Ты не рассказывал мне...

– Тии хотела, чтобы я дал её дочке имя.

– Не удивлюсь, если ты... дал ей дочку.

– Проказница, ты знаешь, моё сердце принадлежит только тебе, – театрально поднёс руку жены к своей груди Аменхотеп Третий и рассмеялся.

– Но у тебя есть ещё кое-что...

– Кое-что?!

– Хорошо, не кое-что, а маленький львёночек, которым я хотела бы тоже обладать безраздельно...

– Золотая моя, солнце обогревает не только Египет, где живет его сын, а и...

– Не продолжай. Знаю, фараон по ночам обязан превращаться в пахаря, а его маленький львёночек – в обыкновенный плуг, – нежно потёрлась щекой о плечо мужа Тэйе.

– Недаром твой лоб обвивает змея.

– Тогда скажи, какое имя ты дал этой девочке? – подал голос Аменхотеп младший, не сводя глаз с отважной пловчихи с котёнком на руках.

– Нефертити, что означает... Прекрасная пришла.

– Не пришла, а приплыла, – звонко рассмеялся сын фараона, отключаясь от родителей.

– Отныне Тии будет зваться не матерью, а няней девочки, – властно заявила Тэйе. – А её муж, воспитателем нашего сына! Надеюсь, он присмотрит за своей супругой, а заодно за нашим сыном и своей дочерью, которые, похоже, не захотят больше расставаться. – Царица отомщёно улыбнулась.

– Пусть будет, как ты сказала. День разгорается, кровь закипает, пойдём, приляжем, – решил ещё больше умиловить свою богиню фараон.

– Моя кровь течёт спокойно, как воды Нила, – наигранно нахмурилась Тэйе. – Другая закатила бы тебе скандал. Отгрызла ухо. А я... тебя прощаю.

– Моя царица, – вздохнул Аменхотеп Третий с облегчением. – Одна ты умеешь меня понять.

Тут между финиковых пальм показалась стройная фигура молодой женщины с гривой рыжих волос.

– Тити, девочка моя, где ты? – испуганно кричала Тии, оглядывая каждый куст, будто только там могла найти себе убежище её дочь.

Тэйе ступила вперед, загораясь массивным телом детей, и басовитым голосом, нарочно придавая хрипотцы, сказала: отныне твоя дочь – моя по праву. Тии онемела.

– Я спасла ей жизнь, – гипнотическим взглядом впилась в неё царица.

– Но что случилось?

– Мама, котёнок не знал, что не умеет плавать, – пролепетала Нефертити.

– Ты тоже не знала, – уточнил Аменхотеп младший.

– У этого озера есть богиня. Она не дала пропасть моей малышке, – упала на колени Тии.

– Замолчи! Услышат люди, объявятся жрецы, усядутся на берегу, начнут молиться, призывая народ вознести дары новому богу, «Сияние Атона» не даст уединенья! – извергла из души громкий стон Тэйе.

– Жрецы считают себя выше нас, – поддержал мать пятилетний сын.

– Мальчик мой, как будущий бог, ты должен знать: амбициозный жрец – добыча крокодила, – удивился заключению сына Аменхотеп Третий. – Ни имени в загробном мире, ни могилы. Такую участь выбрать себе дороже...

– Воспой лучше гимн Нефертити, – потрепала за щеку сына Тэйе, взяла мужа за руку, потянула в покои.

3

– Так я прав, усыпляя богов войны? – спросил Аменхотеп Третий, любясь белоснежными пилонами, воздвигнутыми перед воротами нового дворца, строительство которого подходило к концу. – И Амамат¹ не съест моё сердце, когда я умру?

– Не беспокойся. Богиня истины Маат уравновесит чаши, и твоя душа попадёт в Поля Иару², – поцеловала плечо мужа Тэйе.

Царственная чета любила пешие вечерние прогулки. Придворным приходилось растворяться в воздухе, изображая благоденствующих горожан.

Кто-то из них роптал: фараон не настоящий! Рождён чужеземной принцессой. Не выбран из гарема первой дочерью фараона, а назначен преемником Тутмосом, который, как известно, делал всё во вред жрецам. И сына женил на пастушке, вернее, дочери начальника стад, с которой тот носитя, будто с короной. И эти кожаные сандалии... простолюдина.

Тэйе кожей ловила настроение стражи, придворных, жрецов. Но, ещё она чувствовала в себе силу Исида, богини волшебства. Могла усмирять волны зависти, страха; гасить тлеющие огоньки измен и предательства. Единственное, чего она не могла, так это заставить народ жить с любовью, открыто, как умеют дети.

Хотелось радовать – приходилось казнить.

Мало кто из её окружения был сам собой. Большинству легче было повиноваться сонму богов и духов, плодить детей, которым земля в достатке дарила пищу. Корней лотосов и стеб-

¹ Амамат – страшное чудовище, полульвица с головой крокодила, пожирательница сердец, сидящая на высокой скамье перед Осирисом, вершителем суда над умершими.

² Поля Иару – рай.

лей тростника хватало желудкам всех бедняков. А щедрые яства, приготовленные богом для человеческих душ, оставались нетронутыми.

Пожалуй, только муж и сын искренне разделяли её стремление к красоте и свободе... чувств и мыслей.

– Мои ноги в мягких сандалиях чувствуют ласку земли, насыщаются её молоком, и... сейчас побегут, – кивком головы пригласил Аменхотеп жену к соревнованию.

Она, дурачась, пробежала от колонны до колонны, остановилась, раскинув руки, в которые охотно угодил муж, попросила: прикажи расписать пилоны сценами любви, дорогой.

– Нашей любви? – лукаво уточнил фараон.

– Вообще любви. И тогда все скажут: ты не боялся жить как настоящий Атон.

– Ты – мой бог. Этот храм построен в твою честь, здесь египтяне будут приносить дары к алтарям в честь нашей любви! – горделиво выпятил грудь Аменхотеп Третий.

– Но у меня один алтарь любви, он всегда со мной, и ему нужны только твои дары, которые с годами прибывают, – лизнула ухо мужа Тэйе.

– А Египту нужно золото, которое скорее убывает, чем прибывает, – прижал к себе жену фараон. – Ассирия с Вавилоном, вместо того, чтобы платить дань, ждут, что я верну им прежнюю богатство.

– Ты прав. А митаннийский царь не ждет, а требует. Прислал письмо не друга, а врага...

– Если бы мой отец не женился на митаннийской принцессе...

– Тогда бы на свет появился не ты, а кто-то другой!

– Поэтому я так себя люблю? – проказливо скосил глаза Аменхотеп старший.

– Угроза небытия немногих заставляет наслаждаться жизнью, – шлёпнула его по ляжке Тэйе.

– И что он пишет, этот прожорливый родственник?

– В стране моего брата золота, как пыли, более чем моему отцу, пошлет мне мой брат, – плотоядно выговаривая каждое слово, вспомнила дерзкое послание царица.

– И я должен послать?

– Бог никому ничего не должен.

– Тогда Нил станет цвета крови. А я отец ему...

– То, что завоевали твой прадед и дед, спасти может только...

– Что?

– Единый бог.

– Но у нас только главных... девять! А повседневным счёта нет. Вдруг взбунтуются? – упавшим голосом заметил фараон.

– Ты сам мне говорил неоднократно, что тысячи богов крадут у тебя власть. Но кто их видел? Один бог Ра сияет нам с небес...

– Жрецы восстанут.

– Жрецы... за власть и стол послужат и Атону! А люди... их не любят.

– Не любят, но боятся. А страх... убивает не только чувства, но и разум.

– Без страха люди не умеют жить. И все же, согласишься подумать. А сейчас хочу войти в свой храм.

– Но там ещё груда камней...

– Камни Египта податливы, как плоть влюблённой женщины...

Аменхотеп Третий не мог отказать просьбам своей ненаглядной жены. И царственная чета обогнула дворец с востока, чтобы увидеть, как происходит самое чудное чудо – превращение горы в храм.

Работы уже заканчивались, но строителей ещё было столько, сколько скелетов животных послужили образованию белых гор.

Люди, запорошенные известковой пудрой, сами были похожи на камни, двигались по какому-то только им понятному маршруту, не мешая друг другу и себе выполнять заданную работу.

Многометровые колонны шлифовались пластинами крокодильей кожи. На каменных заготовках размечались столешницы алтарей.

Кирки, пилы, зубила, полые медные трубки, скребки – исполняли своё предназначение в умелых руках.

– Эти мягкие горы созданы богом, чтобы воспеть в камне его сыновей, – раскатисто пропел Аменхотеп Третий.

– И дочерей, – уточнила Тэйе.

– Одну дочь. Тебя!

– У солнца меньше лучей, чем у твоих подданных рук, – польстила мужу царица.

– Смотри, как сладострастно мальчишка режет камень, – обнял супругу Аменхотеп Третий, показывая на подмастерье лет десяти, усердно, с высунутым языком, пытающегося что-то вырезать из золотистого песчаника.

– Как тебя зовут, и что ты делаешь? – медовым голосом спросила Тэйе.

– Я – Тутмос. А это, – поднял кудрявую голову юный скульптор и показал глазами, зрачки которых чуть не выпрыгнули наружу, на бесформенный еще кусок камня, – это котенок...

– Похож на Солнечного Сыночка Нефертити, – наострилась царица.

– Кажется, её так зовут, – опустил глаза мальчишка, но не смог сдержать чувств, – она красивая.

– Ты видишь красоту? – приподнял пальцем подбородок Тутмоса эстетствующий фараон.

– Мои пальцы видят.

– А ты чей? – поинтересовалась Тэйе, чувствуя в ребенке «породу».

– Я – сын гарема Тутмоса Четвертого, – в голосе мальчишки зазвучала гордость.

– Тебя назвали в честь моего отца? – переспросил Аменхотеп.

– Возможно, он твой брат, – промурлыкала Тэйе.

– В гареме сказали, мои руки прокормят меня, – смело посмотрел Тутмос в глаза владыке Нила.

– А ты бы мог вырезать меня из камня? Как человека, – неожиданно для самого себя задал вопрос Аменхотеп. – С моим широким носом...

– Который бы украсил льва – царя зверей, – добавила царица.

– И который по своему разумению посмели приукрашивать камнерезы, – заметил фараон. – Не буду позволять им более тягаться с богом...

Казалось, царствующим супругам собственные недостатки были сродни достоинствам.

– Посмотри, он сам будто выточен из камня, – провела пальцем по загорелому плечу мальчика Тэйе.

– Но истинного лика фараона никто не должен видеть, – неожиданно заявил Тутмос.

– Почему же? – недоуменно вскинул брови Аменхотеп Третий.

– Чтобы никто не мог вселить в него болезнь или проклятье, – опустил голову десятилетний мудрец.

– Но разве можно в камень что-то вселить? Разве он не мертвый? – почуял интерес к беседе фараон.

– Камень живой! Всё понимает. Даже разговаривать умеет, – прижал к груди кусок песчаника юный скульптор.

– Разговаривать? Тогда я разрешаю ему сказать, что он думает обо мне. Или камни не могут думать? – восхищаясь своим хитроумием, соорудил Аменхотеп ловушку из слов.

– Ему не надо думать. Он просто знает, потому что долго живёт, – простодушно улыбнулся Тутмос.

– И свои знания высекает значками на скалах? – подыграл ему владыка Верхнего и Нижнего Нила.

– Нет. Шепчет моим пальцам, – посерьёзней мальчишка.

– И о чём же он тебе шепчет? Мы тоже хотим послушать, – сладкоголосо пропела Тэе.

– Повелеваю камню поведать Тутмосу тайну моей жизни! – полушутя, полусерьёзно командовал Аменхотеп.

Тутмос послушно опустил глаза, приложил кусок песчаника ко лбу, в сомнамбулическом сне стал произносить слова, переводя с каменного языка: «Фараон Аменхотеп Третий славен тем, что любит жизнь, предпочитая строить, не разрушать. Он и от споров уходит, разрешая думать, кто как хочет. И ко всему прекрасному любовь его нежна. Но духи, боги и жрецы, коих расплодилось слишком много, его желание жить в мире и гармонии со всеми, принимают за слабость. Грозят карой за вольнодумство. Но ещё слабы. Сын фараона власть его продолжит. Своими мыслями оплодотворит все вокруг: воздух, Нил, несчётные отроги гор, которые ему послужат верно, и Город Солнца вырастет в пустыне. Но люди понесут от новых мыслей неохотно, беременность свою скрывая, и от плодов незрелых избавятся, как только Эхнатона захоронят...»

Тут мальчик замолчал, глубоко вздохнул.

Он не помнил, что говорил. Но чувство единения с Творцом, для которого и фараон – песчинка, потрясло его до умопомрачения. Он ждал кары...

– Я буду думать... над словами камня. А тебе разрешаю, когда захочешь, быть моим г-гостем во дворце. З-завтра мы с тобой ещё поговорим, – от страха перед загадочностью мира стали двоиться буквы на языке Владыки Нила.

Он был обескуражен. Тэе тоже не могла произнести ни слова. Впервые царствующие супруги столкнулись с тем, что было неподвластно им.

Одна мысль: этот мальчик, умеющий говорить с камнем и видеть пальцами, достоин... быть приближенным, или убитым, – свила гнездо в обеих головах.

– А что напрозорил бог камня тебе? – спросила не терпящая неопределённости царица.

– Сказал, я стану самим собой, – с гордостью сообщил юный скульптор.

4

– Признайся, ты в Тутмоса влюбился, – неожиданно заявила Тэе после вечерней молитвы, когда Аменхотеп предложил ей покататься перед сном на их любимой ладье из полированного кедра.

– Этот мальчик поможет мне освободиться от сомнений, – как будто сам себе ответил фараон.

– До сих пор я освобождала тебя...

– Мне нужен этот мальчик, – нервически вспылел Владыка Нила. – Этот несмышлёный предсказатель.

– Ты пригласишь его в спальню? – голос супруги взял басовые струны.

– Так ты об этом? Не беспокойся. Попки мальчиков меня не возбуждают. Я не любитель пробираться в спальню с чёрного хода. Я, перед которым распахиваются парадные двери... твоего дворца.

– Прости. Я тебя ревную, как тысяча гаремных жён, – поцеловала плечо мужа Тэе.

– Кстати, они все недовольны мной.

– Пора их приструнить!

– Подскажи, как? Тебе внимают иноземные цари, – привлек к себе жену Аменхотеп Третий.

– Пусть забеременеют! Лучшее лекарство...

- Вот так рецепт. А говоришь, ревнуешь...
- Минута для семьяизверженья – и год спокойной жизни.
- Что ж, потружусь. Но мы с тобой как будто избегаем...
- Я... Тутмоса боюсь. И... меня влечёт к нему, как к тайне. Заметил, какие у него уши? – от волнения потеряла дар речи Тэйе.
- Уши? – переспросил фараон, чуть не оступившись.
- Ладыя качнулась, приняв на борт знакомых пассажиров. Весла поднялись и опустились, выровняв скольжение по воде.
- Что у него с ушами? – не захотел терять нить разговора Аменхотеп.
- Они напоминают капитель, нежно вылепленную любящими руками...
- И эти уши слышат шёпот камня...
- А, может быть, он всё это придумал? Конечно, ведь сына нашего зовут не Эхнатон! И... он тоже сочиняет сказки. Вчера захожу в спальню, воспитатель спит. А маленький Аменхотеп, заложив ногу за ногу, что-то бормочет. Хотела разбудить Эйе, но сын не разрешил. Сказал, что сочиняет сказку... про Город Солнца, в котором все люди будут жить счастливо, где бедняки разбогатеют, – львицей замурлыкала Тэйе.
- Мой сын будет хорошим фараоном. А я? Хотел бы увидеть себя в камне таким, какой я есть.
- Увидишь, скульптор подрастает.
- Он будет в камне продлевать жизнь сына, а не мою. Я же присмотрел скульптора Бека, у которого в руках камень оживает. Не то, что у других. Как будто они сами все мертвы. Или напуганы...
- Так и есть, напуганы!
- И чем же?
- Криком матери. Многие женщины кричат во время родов, чтоб боги их услышали. Но боги все давно заткнули уши. А новорождённых пеленает страх, который как рубашка носится до смерти!
- Ты тоже кричала?
- Нет! Я слагала гимн сначала сыну, потом и Сатамон...
- Ей бы родиться мальчишкой...
- А сыну – дочкой?
- Может быть. Тогда по праву власть могла бы быть в его руках...
- Эта прогулка по озеру не была похожа на все остальные, когда супруги вдоволь насладившись дарами и картинам природы, обычно приступали к познанию друг друга, умудряясь находить и вкушать неведомые плоды в своём шатре из льняной ткани, раскрашенной сценами победоносных походов гривастых львов. Тогда гребцы слышали перемежающиеся с рыком стоны.
- Ночь разговоров вместо ночи любви произвела на них, похоронивших слова в глубоких лабиринтах душ, непонятное впечатление: будто царствующие супруги всю ночь трудились как рабы...

5

В Фивах полюбили Амона со времен князя Яхмоса, изгнавшего гиксосов, правивших Египтом полтора века. Амон взбудрил кровь египтян. Жрецы объявили его Верховным богом Верхнего и Нижнего Египта.

Бог мстил за годы униженья, а фараоны побеждали в войнах, даже в тех, которые не зародились в мыслях. И, откупаясь наперёд, цари Вавилона, Ассирии и хеттов слали Египту несметную дань.

Аанен, первый жрец Амона и брат Тэйе, задумался...

В народе ходят слухи: жрецы выдумывают богов для собственного прокормления. Глупцы! Не понимают: один бог – две армии заменит...

Больше богов – меньше соглядатаев, а, значит, полнее казна...

Человек смиреннее, когда повсюду боги...

Он усмехнулся. Отец перед смертью сказал: *мы, жрецы, рождаем богов, управляем фараонами, чтобы колесо жизни крутилось*, правда, он метался в горячке...

Фараона не зря объявили сыном Амона, сын не пойдёт против отца...

А что делать с папашей, вековечным Ра, солнцем обоих горизонтов?

Испечём бога по имени Амон-Ра...

Оружие жреца не стрелы...

Аанен спохватился: время послушнику принести голенастых ибисов, и заспешил в храм. На ровном месте споткнулся. Вопросительно посмотрел в небо. Сердце замерло. Жёлтые тучи улеглись берегами вдоль зеленой реки, по которой плыл красный крокодил. Он зажмурил глаза: плохой знак!

Нил течет по небу, так всегда было.

Но крокодил! Огромный и... красный.

Не к добру: друг обманет, недруг ужалит больнее.

Впрочем, разве могут быть друзья у жреца? Родная сестра, и та задумала что-то. Её сын дерзит...

С врагами проще!

Аанен покачнулся, открыл глаза: крокодил плыл, оставляя кровавый след.

Кровь... к удару в спину.

Спасибо, небо, за предупрежденье!

Жрец заспешил. Вынул из кармана в складках накидки связку ключей: от западных дверей, потайных комнат подземного лабиринта, где ещё прадед его занимался магией.

6

– Меня фараон пригласил, – гордо заявил Тутмос, вырываясь из рук стражника.

– Кто ты такой, что удостоен чести быть гостем фараона? – рассмеялся громила.

– Я – скульптор!

– Пусти его, – крикнула с мостка галереи Тэйе. – Аменхотеп его ждёт.

– Проходи, – подтолкнул мальчишку под зад удивлённый солдат.

Царица встретила гостя словами: а бог камня с тобой?

– Он в моём сердце, – ударил себя в грудь юный ваятель.

В подтверждение сказанного, его окружила туча известковой пыли.

Тэйе чихнула.

– Я не хотел, – извиняющимся голосом сообщил мальчишка.

– Возможно, твой бог – человек с огромным носом, вместо головы...

– Нет!

– А какой он? Ты его видел? – с любопытством посмотрела на Тутмоса земная богиня.

– Нет. Я могу его только слышать...

– А-а, юный оракул?! – обрадовался Аменхотеп Третий.

Он возлежал на толстой циновке у бассейна, обложенного фаянсовыми плитками цвета лазурита, голова покоилась на каменной подушке из бирюзы, подогнанной по форме головы и шеи фараона.

- Я тут веду беседу с богиней воды...
- И что она вам говорит? – доверчиво распахнул глаза Тутмос.
- Говорит: ты станешь главным скульптором моего сына, фараона Аменхотепа Четвёртого, – на ходу сочинил наречённый сын Ра и Амона.
- Я согласен.

Тэ́йе рассмеялась. Ей всё больше нравился этот мальчишка. Она решила устроить ему экзамен, заговорщически подмигнула мужу.

– Тогда скажи, – немного призадумалась, чтоб высказаться проще, – чем больше богов, тем лучше?

- Нет! – обрадовался простоте вопроса Тутмос.
- Почему?
- На себя любви не хватит! – как само собой разумеющееся, резюмировал мальчик.
- Тебе сейчас бог подсказал? – поинтересовался фараон.
- Я сам знаю: одно сердце – один бог!
- Да ты, еретик! – восторженно воскликнул Аменхотеп, двигая в сторону мальчика блюдо с финиками.

Тутмос испугался незнакомого слова, но вида не подал, чинно взял жирный финик, засунул в рот: с фараонами безопаснее молчать!

Тэ́йе разгадала манёвр, и, отдавая должное ребёнку, взяла инициативу в свои руки.

– Ты прав. Даже когда в Египте было два бога, Геб и Нут, они постоянно ссорились между собой. Дошло до того, что бог земли назвал богиню неба свиньёй, поедающей собственных детей...

Тутмос при этих словах подавился, закашлялся.

Тэ́йе ударила его между лопаток, продолжала...

- Иногда звёзд не видно из-за туч, а Геб думал: Нут их ночью ест...
- Даже два бога много, – тяжело вздохнув, подыграл жене фараон.
- Говорят, земля процветала, когда единовластно правил Ра. Чего ещё желать? Бог утром всходит, даёт тепло и свет. Протягивает свои лучи деревьям, птицам, людям, – принялась рисовать благостную картину Тэ́йе.
- И львам, – добавил Аменхотеп.
- А ночью люди оставались без бога? – от удивления Тутмос не донёс очередной финик до рта.
- Ночью Ра делал людям детей! – не удержалась от смеха царица.
- Камни – тоже его работа, – со всей серьёзностью добавил фараон.
- Тогда я не против него, – сладким ртом согласился с единобожием будущий главный скульптор Города Солнца.

Глава вторая

1

Окончание строительства очередного храма отпраздновали пышно. Рабами, рабочими, строительными чиновниками, знатью и самим фараоном было выпито столько молодого вина, что кровь переполнила вены.

Все жаждали кровопускания...

Тэйе по совету мудрого брата приказала наскоро построить амфитеатр и объявила о боях гладиаторов с дикими львами.

– Твой муж отказывается от войн, так пусть прольётся кровь на арене, – сумрачно подсказал Аанен. – И хоть добычей станет не золото, а страх, на время ропот прекратится.

Тэйе знала, вернее, догадывалась о том, какими магическими свойствами обладает кровь. Будь она царицей всех земель, построила бы Богине Крови храм невиданной красоты, и стала при нём жрицей.

А если бы, вдруг, рассердившись на людей, Богиня выпустила из них всю кровь, в огромном красном море снова зародилась бы жизнь, потому что человек не может без крови, а кровь без человека...

Царица улыбнулась, вспомнив, как муж, пролив в брачную ночь её кровь, едва не потерял сознание. Его сердце из всех чувств выбрало... любовь, остальные, как нелюбимые жёны в гареме, тихо возмущались: к чему эти вечные схватки и битвы, и отчего чужие земли непременно надо покорять?

Аменхотеп Второй устраивал походы в завоёванные его отцом Тутмосом Третьим Палестину и Сирию, Нубию и Ливию, Митанию и выходил к Ефрату, когда реки из караванов с золотом, чёрным деревом, благовониями и другой данью становились менее полноводными.

Её же муж, похоже, был сыном богини мира и гармонии Маат.

Аанен прав: за миролюбием крадётсЯ кровожадность.

И пусть лев разорвёт человека, и поставит лапу на его грудь. И гордо посмотрит вокруг. И каждый увидит, что похож он на фараона. И ужаснётся. И возрадуется, что их владыка силен и победоносен. Так будет! – наполняла словами мысли, как тестом чаны, чтобы испечь хлеб будущего, царица Тэйе.

Когда ряды деревянного Колизея стали заполняться, никто не обратил внимания на то, что арена была огорожена зиявшим дырами камышовым забором.

Не привыкать! Не зря же первые ряды предназначены рабам. Нет ничего надёжнее живого щита...

Глаза зрителей ещё до боя налились кровью.

Первыми на арену выпустили трёх гладиаторов. Их лица были скрыты за кожаными масками, а грудь защищена медными пластинами и ремнями из кож.

Из груди монстра по имени «зрители» вырвался боевой клич.

Ворота загона, скрытого от любопытных глаз под шатром из воловьих шкур, распахнулись, и три льва, один за другим, чинно пожаловали на сцену.

То ли они не были голодны, то ли набивали себе цену, вкрадчиво ступая по золотистому песку, не обращая внимания ни на зрителей, ни на гладиаторов, ведомые духом состязания, кто знает?

Но страсть искусной танцовщицей пронеслась по рядам, разжигая костры тёмных, неподвластных людям сил.

Рёв в стане зрителей нарастал. Казалось, они сами готовы были выбежать на арену и разорвать друг друга...

Война в миниатюре.

Победить себя?

Или остаться самим собой?

А, может, раствориться в безумном гоне обезумевшего стада?!

Что может победить ленивость львов? Запах крови? Так ею пахло!

Наконец, винный перегар трибун достиг арены.

Львы потянули ноздрями. И стали пьяны.

Аменхотеп старший полусонно ласкал тело жены.

Аменхотеп младший, воспользовавшись недоглядом, спустился вниз по ступенькам, поиграть со львами.

Тут гладиаторы, вспомнив о своём назначении, принялись дразнить зверей, те тоже вспомнили о своей природе, встали на дыбы.

Дойдёт ли до рукопашной схватки?

Или в ход пойдут стрелы?

Мир отступил.

Глаза жаждали напиться крови.

Самый большой лев, лев-фараон, издал, наконец, рык войны. Ударил хвостом так, что щелчок услышало небо.

Ничто уже не могло остановить схватки.

Но тут на арене появился сын фараона: пролез сквозь щель в заборе.

Колизей протрезвел, ахнул от страха.

Утомлённая любовными потугами мужа Тэйе, наконец, бросила взгляд на арену. Её сердце задохнулось от собственной крови.

– Сын мой! Спасите!

Но никто не услышал её.

Львы пошли на мальчика.

Сейчас, для разминки они разорвут его на куски. Потом примутся за взрослых дядей, не умеющих вести себя с царями зверей.

Аменхотеп младший, не подозревая о бушующих страстях, чувствовал себя фараоном из сказки. Поднялся на ноги, выпятил грудь, поднял руку и... царственным голосом приказал волшебному зверью охранять его от злых богов. Потом перстом приказал сесть рядом и слушать дальше.

Львы удивились, но сели. От мальчишки шло сияние, как от солнца. Он казался своим детёнышем. Храбрый и забавный. Конечно, его стоило бы вывалить в песок, ведь он, можно сказать, испортил долгожданную драку, лишил победной трапезы. Но что взять с малыша? Да и не такие уж эти люди вкусные. От страха их мясо горчит. А этот человеческий ребёнок... такой сладкий. Лев-фараон улыбнулся. И растянулся у ног мальчишки.

Многотысячная толпа похолодела, как будто кровь превратилась в воду. Чистейшая роса, а, может, слёзы всех богов потекли по жилам, остужая страсти.

– Сынок, не бойся. Лучники убьют их. И мама тебя ругать не будет, – не повиновался язык Тэйе.

Она не то хотела сказать.

Увязавшаяся за царицей Нефертити, пролепетала: Хотеп, хочу к тебе.

Тут сотни стрел впились в тела зверей. Жизнь их покинула. Только на морде льва-фараона застыла улыбка, хотя в его последнем вздохе была печаль: как мог он принести собратьев в жертву своей наивной вере в то, что человек их брат?

Вина за совершённое людьми злодейство опрокинула будущего Владыку Нила на землю. Он стал биться в судорогах. Из рта пошла пена, розовая, окрашенная невинной кровью. Тэйе

толкнула забор, он упал. Ещё секунда, она склонилась над сыном, прижала к земле, гася судороги...

– Лекаря!

Нефертити стало жаль друга, в которого, наверно, вселился дух льва, она легла рядом с ним, стала что-то шептать, поцеловала в ухо.

Тело Аменхотепа младшего обмякло, он открыл глаза, улыбнулся: Тити!

2

Всю ночь царица провела с сыном.

Сердце её всё ещё дрожало от страха, а мозг рождал картины: одна ужасней другой...

...Вот львы разрывают тельце её первенца, доедают останки, превращаясь в людей. Страшных, косматых, кровожадных. У каждого – лук и стрелы. Много стрел. Они летят все сразу, охотятся за ней. Пробивают тела придворных, те падают, бездыханные. Горы тел. И всё же стрелы догоняют...

...Её сын жив, но жить предпочитает в пустыне. С дикими львами. И сам становится львом. Фараоном зверей. Мягко опускает лапы в песок, крадётся, затихает. И вдруг прыжок. Она чувствует его когти на своей шее, груди. Её сердце болтается ненужным кусочком тряпки. А пасть льва в розовой пене...

Тэ́йе гонит сон. Тело её бодрствует. А душа улетает в сочиненные кем-то страшные сказки.

Но жизнь – не сказка. Как растолковать это сыну?

Собственный вымысел для него реальнее подлинной жизни. Почему?

Неужели он соревнуется с богом? Или... слышит его подсказки, так же, как Тутмос слышит своего каменного бога?

Он – не еретик.

Устой жизни иногда менять, как платье, истлевшее от давности, в котором стыдно показаться на званом пиру.

А жизнь – и есть званый пир!

Как мог фараон так напиться, потерять себя, чуть не лишиться ребёнка и её, своей супруги, которая ни минуты не жила бы после смерти сына?

Мужчины – странные создания.

Отчего солнце оплодотворяет землю, но не женщин? В лучах его так много тепла и неги, что можно понести от одного желанья...

И девочек рожать!

Но сотню дочек она не променяет на одно дыхание своего Аменхотепа. Как будто у них одна на двоих душа...

Что это, я разговорила сама с собой? – укоризненно подумала Тэ́йе, не спеша открыть глаза, решила удостовериться, что сын рядом. Рука наткнулась на что-то мягкое. Мяу. Пришлось проснуться окончательно.

Рыжий котёнок, Сыночек Солнца, удобно устроился рядом с будущим Владыкой Нила и, разбуженный нескромною рукой, приоткрыл глаза.

– Он лечебный, – со знанием дела пропела из-за полога Нефертити. – Когда у меня болело ухо, я спала на нём, как на подушке...

– Девочка моя! Я рада тебе и котёнку! Иди ко мне. Будешь моей дочкой, настоящей. Единственной.

– А ты не прикажешь, чтобы его папу разорвали львы? Мама сказала: бог вина сыграл с ним злую шутку, и он уснул, как раб.

– Думаю, теперь... его папа будет воздержанней, – взяла девочку на руки Тэйе. – Поцелуй Хотепа. Вчера он пришел в себя после твоего поцелуя...

– В лоб поцеловать?

– Куда хочешь...

– Я поцелую ему руку, потому что он спас меня и котёнка, – решительно произнесла Нефертити, юркнув в кровать Аменхотепа.

Её недетская смыслённость, искренность чувств и живость заставили Тэйе улыбнуться, хотя тень горя ещё лежала покрывалом на всём, что окружало царицу. Её любимый сын тоже был как тень, пока его рука не оказалась в маленькой ручке солнечной девочки, поцелуй которой заставил дрогнуть его ресницы.

– Я разрешаю тебе будить меня каждое утро, – важно заявил он, увидев Нефертити, несколько не удивляясь её появлению в его спальне.

– Я сделаю всё, чтобы ты просыпался от её поцелуев, – охрипшим голосом произнесла Тэйе, удостоверившись, что сын здоров.

– Смотри, котёнок тоже тебя поцеловал, – обрадовалась Нефертити.

– Мама, а что, сегодня мой день рождения? Почему ты здесь? – спросил Аменхотеп младший. – И все меня целуют...

– Ты вчера ещё раз родился, – предательски осел голос матери.

– Вчера? Я ничего не помню. Вчера мне не дарили подарков. Вчера был день рождения у папиного храма, – напряг память будущий фараон, чтобы проверить достоверность материнских слов.

– Он забыл про львов, – прошептала Нефертити.

– Пойдем, ты поможешь мне строить город, – подскочил на кровати пятилетний Хотеп.

– Надо умыться, почистить зубы солью и поесть, – чинно заявила девочка. – И пригласить ещё кого-нибудь...

– Зачем?

– Быстрее строить...

Тэйе была счастлива: бог решил уберечь её сына, стерев память о случившемся в амфитреатре.

Уж и задаст она воспитателю Эйе, хоть он и считается отцом Нефертити!

Солнце встало.

Дары солнцу!

А теперь пришла очередь поговорить с мужем...

– Почему ты покинула меня, моя богиня? – протянул ей навстречу руки страдающий с перепоя фараон.

– Вставай, почисти зубы солью и поешь, – не заметив, что повторяет распорядок утра, придуманный Нефертити, скомандовала Тэйе.

– Не могу пошевелить ни одним членом, – пожаловался муж. – Бог, видно, тоже осушил вчера немало кубков...

– Да, наверное, был пьян, как ты, и спал смертельным сном! Нет! Что я говорю!? – остановила себя Тэйе. – Он был трезв! Разве не он заставил львов, как слепых котят, улечься у ног нашего сына?! Атон спас жизнь будущему фараону! Диск солнца задержался вчера на небе, чтобы не случилось беды...

– Но... беда случилась. Мне плохо. Я бы выпил пива, – пробормотал владыка Нила, Верхнего и Нижнего.

– Ты можешь утонуть в вине или пиве, но должен выслушать всё, что я скажу! – села Тэйе рядом с мужем, придавив рукой его солнечное сплетение так, что фараон совсем ослаб.

– Ты меня не любишь, – простонал фараон.

– Если для тебя любовь – постель, то я люблю тебя час в сутки!

– Кто тебя так разозлил, моя богиня?

– Ты! Ты не фараон, а плуг феллаха, по ночам, как вор, обрабатывающий чужие земли! Ты, пропивший и проспавший сына!

– И эта фурия – моя жена? – заморгал глазами так, будто желал стереть возмутительное изображение, Аменхотеп старший.

– Законная жена! Мудрая жена! Пока ты развлекаешься, я вынуждена править Египтом и всеми землями. Тебе же письмо лень написать соседям. Правители в Иерусалиме и Сирии бьют тревогу. Твое пренебрежение делами бог чуть не наказал вчера!

– Вчера? Что вспоминать вчера? Оно ушло. Сегодня бог сотворил новый день. Такой несносный день. Наверное, у него, – ткнул фараон пальцем вверх, – тоже голова болит...

– Ты ничего не помнишь?

– А что я должен помнить? – икнул Аменхотеп Третий.

– Вот, что: следующим сыном бога Ра будет наш сын! Ты сделаешь его преемником своим ещё при жизни, как только женишь его на Нефертити!

– Но-о-о, – ошалело застрял на букве, замученный икотой фараон.

– Никаких, но!

– Хорошо, как скажешь. Какой противный сон, – открыл высохший рот, будто рыба, засыпающая без воды, несчастный сын всех богов Египта.

– Бог указал мне путь, – снова припечатала мужа тяжёлой рукой Тэе.

3

Слухи о том, что ярко жёлтое солнце, по диску которого ползали красные змеи, вдруг остановилось, стало белым и спасло сына фараона от неминуемой гибели дошли до Аанена быстро.

Но с утешениями и восхвалениями богов к сестре он не спешил. Надо было о многом подумать.

Никогда ещё небо не было таким разговорчивым. Сначала... красный крокодил, потом красные змеи и... парализованный белый диск.

Он не раз видел, как бледнеют и становятся деревянными, укушенные аспидами люди.

Но, чтобы солнце?!

Кто посмеет к нему приблизиться?

Или Ра ослабел?

Аанен поёжился: хорошо, прочитать мысли главного жреца главных богов: Амона и Ра, никто не сможет.

И ещё хорошо, что он предусмотрел отступление.

История о том, что бог солнца родил бога луны Тота, призвал его к себе и сказал: будь на небе, пока я шагаю под землёй, ты – мой заместитель, с детства запала в душу. Тогда и решил он стать тайным жрецом бога луны, мудрости и счёта. Ведь именно Тот ведёт счёт жизням людей, взвешивает на весах их сердца после смерти.

А смерть интересовала Аанена больше жизни. Вот почему в каждое полнолуние он приносит богу с человеческим телом и головой ибиса жертвы – мумии двадцати восьми голенастых птиц.

Никто об этом не знает, и никогда не узнает.

У мальчика-раба, который ловит для него ибисов, отнялся язык: хватило сотой доли яда его любимой исполинской кобры по имени Ма. Бывшей... любимой.

Сейчас его сердце принадлежит песчаной Эфе.

Небольшая, упругая, с пятнами лунного цвета поперёк плотной спины. Она сворачивается двойным полумесяцем, припадает на бок и скользит по песку, выписывая острыми чешуями послания Тота.

Прибыла случайно... с возом дани. Дани, которую теперь многие забывают платить, от чего скудеет казна, а фараон – воин только в... постели.

Вот что значит, нарушить традицию: не дорога власть тому, кто назначен отцом, а не выбран, по обычаю, сестрой.

И ждать хорошего от Аменхотепа Третьего не приходится. А уж, тем более, от его сына, по вине которого поблекло солнце, отравленное клубком красных змей...

Не могло же это привидеться всем, хоть все и были пьяны?

Не приснилось же!

Неважно!

Видение змей – к приближению зла. И, скорее всего, это зло – племянник Аменхотеп, который вместо того, чтобы бегать со сверстниками, целыми днями строит города на песке.

Надо бы спросить Эфу, что она думает по этому поводу...

4

А Тутмос с утра, тут как тут! Примчался во дворец, узнав, что львы чуть не съели Аменхотепа, а Нефертити поцеловала его.

Тэйе прогуливалась по галерее, увидела юного каменотёса-оракула, приказала пропустить. Взяла за плечи, встряхнула, спросила строго: можешь построить маленький храм для маленького фараона?

– Могу, но сначала мне надо с ним поговорить, – смело посмотрел на царицу подмастерье.

– У тебя глаза, как финики, – ответила поощряющим взглядом Тэйе, и поинтересовалась, – а зачем тебе разговаривать с Аменхотепом?

– Я должен понять его «ба», узнать, чего он хочет...

– Но... это подарок. Пусть рядом с храмом, что построен в мою честь, вырастет детский дворец для сына, и пол в нём будет выложен плиткой с драгоценными бабочками.

– Хорошо. Тогда я просто поговорю о том, что он любит...

– Он любит сочинять сказки.

– А я люблю их слушать. Недавно мне гора рассказала сказку о двух солнцах, – доверчиво признался Тутмос, но спохватился, – а для дворца мне нужны инструменты и люди.

Что за дети пошли? – удивилась Тэйе, сожалея: дворец – это слишком, а трон на согнутых львиных лапах – в самый раз.

Но каменных дел подмастерью она поведаёт о своём решении позже: ей хотелось узнать границы его амбиций. Тех, кто о себе низкого мнения, она не любила.

– Пойдём! Аменхотеп в саду строит очередной город, – взяла Тэйе за руку Тутмоса, повела в сад за северной стеной дворца.

Сын фараона стоял на коленях, усердно укладывая камешек за камешком. Все они были овальной формы, наверно, рабы выточили их вместо игрушек. Рядом, под пальмой, сидел воспитатель Эйе. Его дочь Нефертити лежала на животе, руководила «строительством».

– У Нила нет ни конца, ни начала. Зато есть два берега. Надо построить лодки, кататься...

– Кататься будем потом, когда построим дворцы, храмы, и дома для крестьян. У каждого будет своя молельня: пусть люди разговаривают с богом без свидетелей, – ощущал себя зрелым государственным мужем пятилетний наследник престола.

– У меня тоже будет своя молельня? И свой бог? – предвкушая положительный ответ, радостно распахнула глаза девочка.

– Бог будет один на всех, – как что-то давно решённое сообщил Аменхотеп младший. – Атон. Солнечный диск. Он недавно приходил ко мне. И спас меня. – Лоб его наморщился, припоминая что-то. Но это что-то, лохматое как сто львов, ускользало, пряталось в тень, выжидая удачное время, чтобы напасть из засады.

– Хочу познакомить тебя с юным жрецом бога камня, – опустила перед сыном на колени Тэ́йе. – Он знает сказку о двух солнцах.

Сын фараона насупился: не любил ни старых, ни молодых жрецов, но вспомнил урок матери: надо быть ко всему готовым, не выпускать ситуацию из рук, – собрался, медленно, от голых загорелых ступней до открытых, почерневших от солнца глаз, прошёлся взглядом по неожиданному гостю...

– Назови своё имя!

– Тутмос.

– Так зовут фараонов.

– Он сын гарема, – поспешила объяснить Тэ́йе.

– Тогда расскажи свою сказку!

– Только сказку, – жестом предостерегла царица Тутмоса от лишней болтовни. – А я пойду, дела.

– Двух солнц не бывает, – гордо задрал голову Аменхотеп младший, когда мать скрылась из вида.

– Раньше... были, – миролюбиво заметил юный камнерез.

– Очень интересно, – копируя няню, всплеснула руками Нефертити.

– Ладно, рассказывай.

– Когда-то, очень давно, на небе жили два солнца, одно утреннее, другое вечернее, – стал припоминать Тутмос странный сон, приснившийся ему, когда, однажды, ночь застала его в пещере, где он случайно обнаружил толстый пласт золотистого песчаника.

– Выходит, ночи тогда не было, – скептически заметил Аменхотеп.

– А людям не было времени отдыхать. Земля была лысой, приходилось много любить, мечтать и фантазировать, чтобы украсить её...

– Мечтать и фантазировать – одно и то же! – не смог перенести сын фараона восхищённый взгляд Нефертити, направленный на дерзкого сказочника.

– Мечты живут на земле, а фантазии – в небе...

– А бегемота тоже люди намечтали? – недоверчиво спросила девочка.

– Всё! И цветы, и деревья...

– И Нил, и пальмы, и Египет, – взял инициативу в руки будущий Владыка Нила.

– И кошку? – затаила дыхание Нефертити.

– С кошки всё и началось! – придал голосу трагизма и загадочности Тутмос. – Почему кот закрывает глаза и урчит, будто ему хорошо, подумал один человек...

– Закрыв глаза и уснул? – высказал предположение Аменхотеп.

– Так и сделал. Уснул, а во сне увидел других людей, другие страны, всё-всё другое. Проснулся, и... как закричит: вечернее солнце крадёт у нас сон! Пошёл вон, воришка! Люди подхватили: утопить вора в Ниле!

– А что сказала утреннее солнце? – дрожащими губами спросила Нефертити.

– Спасайся, брат, я заменю тебя! – героически выпятив грудь, предположил сын фараона.

– А говорил, не знаешь эту сказку, – улыбнулся Тутмос.

– А что... ответило... вечернее солнце? – почти беззвучно прошептала заступница котят и солнц.

– Я спасусь, но с этих пор... половина жизни у людей станет чёрной, – заплакало вечернее солнце и закатилось.

– Поэтому наступила ночь? – всхлипнула Нефертити.

- А вечернее солнце расколосось на луну и звёзды? – высказал догадку Аменхотеп.
- Чтобы люди не заблудились.
- Получается, он спас себя и людей? – въедливо переспросил будущий фараон.
- Не знаю, по-моему, лучше бы людям светили два солнца, – задержал взгляд на маленькой красавице Тутмос.
- А у меня итак два солнца: Атон и Нефертити! – с облегчением выдохнул спасшийся мечтатель. – Лучше скажи, что ты умеешь делать?
- Вырезать из камня разные фигурки...
- Тогда вырежи мне всех богов Египта! Их много. Тебе понадобится целый год, или два, чтобы ни одного не забыть. Забудешь, лишишься головы!
- Зачем тебе столько богов? – уловив что-то зловещее в необычном желании Аменхотепа, спросил Тутмос.
- Я растопчу самозванцев! – поднялся, затопал ногами юный еретик, желая показать, сколько сил ему понадобится, чтобы стереть с лица земли ненавистных идолов.
- Бил ногами о землю, пока сам не упал, не забился в судорогах.
- Эйе с размаху рухнул на него, прижал к земле бьющегося в конвульсиях воспитанника.
- Дух льва хочет войти в него, – объяснила случившееся разом повзрослевшая Нефертити. – А ты не бойся, твою голову я спасу.
- Спасёшь? – с необъяснимой робостью посмотрел на неё юный каменотёс.
- Хотеп добрый, сейчас я поцелую его, и он выздоровеет, – выбрала маленькая целительница удобный момент, чтобы приникнуть губами к побелевшему лбу юного поклонника единобожия.
- Аменхотеп младший затих. Воспитатель подхватил его на руки, побежал во дворец...

5

- Надеюсь, его имя не улетит на небо, как имя моей мамы, – сочувственно проводил взглядом Тутмос сына царицы.
- Твоя мама на небе? – удивилась Нефертити. – Мою маму и няню зовут Тии. А твою...
- Просто, мама. Она умерла, когда я родился. Наверно, мне называли её имя, но я забыл. Помню только, карабкался в горы, как мог высоко, и кричал: «мама!», чтобы она меня услышала.
- Хочешь, я буду твоей мамой? – неожиданно поцеловала сиротскую руку Нефертити.
- Ты? Нет! Будь лучше... моим солнышком, – смущённо и восторженно посмотрел на девочку Тутмос, в качестве дара вытаскивая из кармана сливочно-жёлтую фигурку котёнка.
- Сыночек Солнца! – обрадовалась богиня его сердца.
- Если хочешь, я и тебя вырежу... из камня.
- Меня? Зачем? Я уже большая...
- Даже богов вырезают. И фараонов...
- А львов?
- И львов!
- А ты сможешь?
- Смогу.
- Ты волшебник?
- Нет. Я скульптор, – доверительно сообщил Тутмос.
- А я... не знаю кто. Просто девочка, которая любит петь, танцевать. Играть на систрах. Бегать за котёнком. Всё люблю, понимаешь?
- И меня... любишь?
- И тебя. Но больше... Хотепа, – легко призналась Нефертити.

- Почему?
- Он спас меня...
- А тайны ты умеешь хранить? – спросил Тутмос и, не дожидаясь ответа, предложил, – хочешь, вместе будем строить для сына царицы дворец? Чтобы он не знал.
- Почему, чтобы не знал?
- Это будет подарок!
- Хорошо, – согласилась девочка.
- Тогда приходи завтра к новому храму...
- Тити, ты где? Пора на урок, – раздался грудной голос мамы-няни.
- Я приду.
- До завтра, – прошептал вслед сверкающему пятками солнышку Тутмос.

6

Царица не пришла спеть гимн уходящему на покой Амону...

И арфы звучали растерянно: звуки не летели слаженно, как стая птиц, а наскакивали друг на друга, будто не могли поделить добычу...

И алтарь почти пустовал: лепёшки козьего сыра, да горки фиников...

Возможно, воспитатель Аменхотепа младшего Эйе принёс что-то более ценное, но, накрыв дар руками, ещё молился.

Наблюдая за ним с кафедры, Аанен ликовал: бог луны Тот благословляет его! Стали понятными рисунки и иероглифы Эфы...

Время не в ногах, а в голове.

Ребёнок появился раньше времени.

Зелёный плод ядовит.

Как он был глуп, когда спрашивал: это ты написала, или я сам придумал?

Бог говорил с ним... через песчаную Эфу!

Значит, Тот принимает его жертвоприношения!

Аанен улыбнулся.

Охота на ибисов всегда успешна. Внутренности птиц он скармливает Эфе, а тушки мумифицирует, и хоронит с подобающими почестями в пещере, которая становится длиннее и длиннее. Если понадобится, верный раб продолжит усыпальницу от края земли, до края...

– Остановись, Эйе, хочу поговорить с тобой! – очнулся Аанен, когда воспитатель, оставив на алтаре горсть самоцветов, собрался уходить. – Скажи, почему Тэйе не явилась на службу?

Жрец специально назвал сестру по имени, без полагающихся регалий. Он знал, в глубине души Эйе считал себя во всём первым, а не вторым, тем более, не третьим, и притаился до времени...

– Сын фараона всё ещё болен, – ответил Эйе.

– Разве гимн Амону – не лучшее лекарство?

– Царица считает: Амон – бог Фив, а не всего Египта, – охотно сдал вельможа жену фараона.

– Она одна так считает? – вкрадчиво спросил Аанен.

Эйе спохватился, уклончиво ответил: чего хочет царица, того хотят её муж и сын...

– Аменхотеп младший ещё несмышлёныш...

– Тогда почему Атон уложил львов у его ног?

– Атон! Атон! – рассердился Аанен. – Разве боги в человеческом теле не ближе?

– Мне, ближе, – взвизгнув голосом, подчёркнул Эйе.

– Если бы на троне был такой, как ты, Египет бы процветал! – с умыслом вылил бочку лести Аанен. – Воспитаю будущего фараона подобным себе, и кто знает...

– Аменхотеп младший не похож на обычных детей!

– Сегодня я говорил с Амоном, он просит тебя...

– Бог... просит меня? – чуть не вылезли из орбит глаза воспитателя.

– Разве Амон не отец нам? Не даёт наставления?

Эйе вернул на место глаза, подросток, выпятил грудь: Фивы – столица Египта, Амон – главный бог всех земель, Эйе – самый верный из его сыновей!

Аанен был доволен: чем больше стражей Амона у трона, тем крепче власть жрецов, истинных повелителей феллахов и... фараонов.

Естественно, его зацепили слова Эйе о том, что Аменхотеп не похож на обычных детей. Конечно, не похож, ведь мальчик – его родной племянник...

И вдруг мысль-молния разверзла лоб: а не сделать ли его жрецом бога Луны? Провести по тайным комнатам лабиринта. Познакомить с Эфой? Открыть дверь в мастерскую лекарственных настоев и благовоний.

Какой мальчишка не потеряет разум от желания стать чародеем?

Надо попробовать...

Перед глазами проплыла первая строчка Эфы.

Время не в ногах, а в голове.

Что это значит?

Не надо торопиться?

Тьма накрывает свет только в день солнечного затмения.

А если...

Если Аменхотеп Третий объявил жену богом, то почему бы ленивцу не назначить её фараоном? Подсказать вовремя, в сумерки, когда сознание раздваивается, ноги бегут, не зная, куда, а руки могут подписать какой угодно указ.

Заломило в висках: безымянный бог сумерек мстил за своё отсутствие в пантеоне египетских богов...

А Эйе уже строил свои планы: богов много – трон один. Слепому видно: сын фараона положил глаз на его дочь. Подрастут немного, поженятся. Он всё сделает, чтобы Аменхотеп младший стал фараоном: сядет на трон, Нефертити превратится в царицу. Тогда Тэе перестанет задирать перед ним нос! И он, равный ей, отец царицы, сумеет расквитаться за разнос, который она ему учинила. Не он строил этот дырявый забор! Не он проморгал ребёнка, потому что лихорадка свалила его, и он метался в постели дома...

А там, кто знает...

Иные фараоны долго не живут, слабнут здоровьем...

– У Аанена своя игра, у меня своя, – вслух подвёл он черту под своими мыслями, и испугался.

Слава всем богам, рядом никого не было!

7

Утро в царской спальне не было солнечным.

Аменхотеп Третий чувствовал себя прескверно. Много раз говорил он себе: не мешай вино с пивом, и каждый раз сам себя не слушал. Что за нрав, идти наперекор здравому смыслу? И вот наказание: солнце не хочет всходить, прячется за тучами...

Но настоящую грозу учинила ему жена. Превратилась в грозного сфинкса. Сначала испепелила взглядом, потом дротиком метнула фразу: ты – не фараон, ты – плуг феллаха! И скрылась.

И вот уже второй день не видит он свою ненаглядную.

Свою богиню.

Свою жрицу.

И ноги становятся, как пух камыша. Нет сил, встать.

Жена – его сила.

А он обидел её.

Но... это ей захотелось крови! Вот и... чуть не заплатила кровью сына... за потакание тёмным инстинктам толпы.

В то время как он, фараон, всегда против насилия.

Хотя... иногда и в нём просыпается бунтарь. Тогда он один готов идти против всех! Но... только не против своей жены.

Чего только о ней не говорят самые преданные предатели – придворные!

Она знает заветное Слово...

У неё шаини с самим богом Ра...

Правители многих земель слушаются её, как дети...

А он не послушал...

– Тэйе! Богиня моего сердца...

– Ты снова жив? – прозвучал рядом родной и дерзкий голос.

– Жена моя, спаси...

– Бек давно ждёт тебя. И Тутмос пришёл. Ты обещал познакомить его со своим скульптором. Ещё я заказала построить дворец. Маленький дворец для маленького фараона.

Аменхотеп не мог насмотреться и послушаться, в смысл слов не вникал.

– Ты помнишь, что обещал назначить сына своим преемником?

Фараону показалось: в спальне снова началась гроза.

– Если обещал, – неуверенно пробормотал он.

– Вставай, любимый! И почисти, наконец, зубы!

К фараону вернулись силы, ноги пружинили, сердце порхало...

– Бек, возьми в ученики этого мальчишку. Он знает бога камня, его ладони видят, – поморщился Аменхотеп от боли в затылке.

– Царица поручила мне построить дворец, – важно прибавил Тутмос.

– Дворец? Тебе? – удивился Бек, который каждое утро внушал себе ничему не удивляться, что произойдёт в течение дня: такими непредсказуемыми были фараон со своей женой, и всё же, он по-своему любил их... за то, что они поощряли его к свободе.

Бывало, даже, себе удивлялся не меньше, чем им...

Но заказать дворец малышу?!

Тэйе выбрала время выйти из-за колонны.

– Думаю, работы следует начать с трона... из белого камня. С сиденьем и подлокотниками из чёрного дерева. Ножки в виде согнутых...

– Львиных лап, – звонко опередил Тутмос.

– Я не камень, а ты читаешь мои мысли, – улыбнулась ему Тэйе.

Бек поразился смелости подростка, формы которого сами обещали стать произведением искусства... через несколько лет. Но уже сейчас в мускулах мальчика чувствовалась физическая сила, а в блеске глаз – сила духовная.

– Ведь львы покорились ему! – без тени сомнения объяснил Тутмос своё решение. – И я видел камень в горах: белый, с золотыми прожилками. Почти готовый трон со спинкой в виде капюшона кобры.

– Выучи его, Бек, своему искусству, – приказала царица, – а фараону сегодня позировать трудно.

Взяла мужа под руку и увела.

– Запомни, мальчик, скульптор – бог камня, он так же, как Ра, рождает людей, – не стал откладывать первый урок Бек.

– Я думал, бог камня живёт в горах, – признался Тутмос.

– Он живёт в твоём сердце, и позволяет твоим рукам видеть линии...

8

А сын фараона строил не трон, не дворец. Целый город! На песке...

Храм Атону возвышался в центре. От него шли улицы-лучи.

– Ты будешь жить в храме? – спросила Нефертити, сбежав от няни, не поощрявшей её свиданий с Аменхотепом младшим.

Вид ровных построек привёл её в недоумение.

– Забыл! Самое главное! Дворец, где мы будем жить... вместе с тобой! – растерянно посмотрел на дело своих рук верный поклонник Атона, и рассерженно стал рушить ногами мокрые постройки.

Эйе улыбнулся: его дочь имеет над сыном фараона явную власть. Как воспитатель наследника, он упрочит эту зависимость будущего владыки Верхнего и Нижнего Египта, ведь Нефертити обещает вырасти красавицей.

Не иначе, как она была зачата с божьего благословения!

И, выйдя замуж за Аменхотепа младшего, станет не только царицей, но и жрицей!

Не так уж и прозорлив этот Аанен...

– Лучше послушай гимн, который я сочинил в твою честь, – отвернулся спиной к развалинам более удачливый, чем строитель, поэт. – Во мне слов столько, сколько песчинок в пустыне!

Лицо его озарилось изнутри солнечным светом, он показался девочке самым красивым на свете.

*Каждое утро восходит Атон
Посмотреть на свою дочь Нефертити,
И озаряет землю лучами,
Чтобы сын его, Эхнатон,
Мог разглядеть её божественные черты!*

– Кто такой, Эхнатон? – запрыгала девочка в радостном танце.

– Это тайна. Но тебе скажу: это я, сын Атона! – важно поднял рано заострившийся подбородок Аменхотеп младший.

– Нефертити, девочка моя, пора на урок, – вкрадчивым голосом сообщила няня, бросив недовольный взгляд на мечтательно улыбающегося мужа.

Тии знала: её дочь вставала на дыбы, стоило заговорить с ней властным тоном, а перед лаской пасовала.

– Приходи завтра, – погасло в Аменхотепе солнце.

– Обязательно приду!

– Ты забыла, Тутмос пригласил тебя посмотреть трон, – расцеловала тугие щёки девочки Тии.

Ей нравился этот работающий мальчишка. Он мог бы стать надёжным мужем её дочери, которую властолюбивая Тэе прочит в жены своему сыну, болезненному и капризному.

Она чувствовала заговор вокруг своей крошки, заранее сочувствовала ей, пыталась защитить. Но как? Если у людей, которые молятся сонму богов, каменеют сердца...

Может, любящее сердце Нефертити само спасёт свою хозяйку?

Тии подхватила дочку на руки, заторопилась: сам главный скульптор Бек прислал посыльного, сказать, что хочет встречи.

– Пришла? – обрадовался Тутмос.

– Не своди с неё глаз, а мне надо поговорить с Бекком, – спустила дочку на землю Тии.

– Пошли, я сделал трон, – взял девочку за руку Тутмос. – И посвятил его тебе.

– А Хотеп сегодня посвятил мне гимн! – доверчиво сообщила Нефертити.

– И где он, этот гимн? Исчезнет в воздухе. А камень живёт вечно! – тряхнул смоляными волосами Тутмос.

– И слова можно высечь в камне, – миролюбиво заметила Нефертити.

– Ладно! Я хочу, чтобы ты...

– Что?

– Посидела на троне.

– Зачем?

– Проверила, будет ли твоему Аменхотепу удобно, – недобро сверкнул глазами Тутмос.

– Смотри! Чёрная кошка! – ахнула девочка, увидев расположившуюся на спинке трона гладкошёрстную красавицу.

Тутмос хотел согнать самозванку с места, но Нефертити приложила ладошку к его губам: пусть сидит! И уселась сама, повернув лицо к кошке.

Зелёные глаза смотрели на неё насмешливо, сверху вниз.

Девочка поёрзала под взглядом кошки, опустила свои, не менее зелёные, примерилась к подлокотникам, инкрустированным золотыми дисками.

Трон ей не понравился.

Не из-за кошки.

Смутили глаза Тутмоса, превратившиеся в жирные финики.

Ей стало душно... на троне, который он посвятил ей.

Обещал построить дворец, для неё и Аменхотепа, а сам...

Нефертити сползла с трона, обернулась к кошке: красавица, иди ко мне.

Тутмос всё понял, сердце его сжалось: надежды рухнули.

– Милая моя, – вовремя подросла няня.

Тии с интересом осмотрела маленький трон. На него, что ли, посадят её дочь с сыном фараона, чтобы изобразить на фронтоне нового дворца, рядом с фараоном и его женой? Бек сказал: Тэе заказала скульптурную группу двух фараонов. К чему бы это? Неужели так решили боги?..

Когда Тии с Нефертити ушли, Тутмос согнал кошку, приложил ладони к спинке трона, похожей на раскрытый капюшон кобры.

Хочешь быть рядом с Нефертити, подружись с Аменхотепом младшим, – сладкоголосо пропели золотые прожилки из белого камня.

– Спасибо! Теперь я знаю!.. Я вырежу ему... богов Египта!

Надежда снова поселилась в сердце юного скульптора.

Как выглядит бог камня, он не знал, да, если бы и знал, никогда не отдал бы на поруганье.
А вот изображения других богов ему были известны...

Бог солнца Ра – стройный мужчина с длинными ушами и факелом в руке.

Бог воздуха Шу – человек, обнимающий небо.

Его жена, богиня влаги Тефнут – грозная львица.

Богиня плодородия, Исида – женщина, с рогами коровы на голове.

Длинноклювый Сет – бог грозы.

Грудастая богиня неба – Нут, её муж с плёткой – бог земли Геб...

Кто ещё?

Восседающий на троне, вершитель суда над мёртвыми, бог Осирис.

Богиня загробного мира Нефтида.

И, конечно же, бог мёртвых – Анубис, человек с головой шакала.

Кстати, надо спросить, не закажет ли себе Аменхотеп младший гроб с усыпальницей?

Мысль вырвалась помимо воли.

Нет! Смерть не решает проблему, а только переносит её из одного мира в другой...

Тутмос поднял голову к небу: однажды он видел, как на перистом облаке проплыла его
безымянная мать.

– Мама!

Солнце ослепило глаза.

– Тутмос, ты где? – послышался громopodobный голос Бека.

– Бегу!

Глава третья

1

Интересно, почему дни бывают длинными, а годы короткими, думал Аанен, мумифицируя очередную порцию ибисов.

Десять лет пролетели с тех пор, как по небу проплыл красный крокодил, оставляя кровавый след. Тогда он решил – это знак: кто-то хочет нанести удар в спину.

Но!

Солнце – лучшая нянька, раскачивает колыбель жизни: утро – вечер, день – ночь. Дети, то есть, люди спят или дремлют. Ничего не происходит...

Вернее, происходит то, чему положено происходить: зреют плоды, колосья, дети. Старики умирают. Молодёжь стремится показать себя...

А он, Аанен, как и прежде, ведёт переговоры с богом луны, мудрости, счёта и письма Тотом, который посылает ему с данью песчаных змей. Только любимица Эфа, которую он давно похоронил в саркофаге из чёрного дерева, была всех мудрее. Ему удалось разгадать все её послания... кроме одного, предсмертного: *Амок*.

Возможно, так зовут бога сумерек.

Возможно...

Прошедшие годы научили его не торопить событий, избегать границ в суждениях. Нил, и тот, выходит из берегов, принося пользу всему, что дышит, размножается, произрастает...

Владыка Нила пользы своему народу не принесёт!

Права была Эфа: *зелёный плод ядовит!*

Его племянник, Аменхотеп младший, в свои шестнадцать лет – сложившийся еретик.

Ничто не помогло его исправить.

Даже сестре не удалось, хотя повлиять обещала!

Тэйе, взгляд которой завораживает пуше ста змей, превращает в истуканов иностранных посланников, отшибает ум и волю у придворных, не может справиться с собственным сыном...

Или не хочет?

Хорошо ещё, она по-прежнему в его власти: притирки, от которых не стареет кожа, гипнотизирующие духи, бальзам для фараона – сделали своё дело. А в рукаве ещё одна тайна: ритуал обретения душой нового чрева через миг после смерти.

Переходящий от отца к сыну рецепт бессмертия – последний козырь в его борьбе за...

За что?

Аанен задумался.

Вспомнил...

– Луна толстеет и худеет, птицы знают, когда им прилетать, когда улетать, звери – когда спариваться. Реки не выбирают русло. Звёзды не воюют друг с другом. Я прикажу людям понять: в заведённом Атоном порядке – их счастье! – смело, в храме Амон-Ра, защищал перед ним свою позицию младший Аменхотеп всего день назад.

– Тогда почему звёзды иногда падают? – задал он каверзный вопрос.

– Атон казнит непослушных, – без тени сомнения ответил племянник.

Нет, со смещением Аменхотепа Третьего, торопиться не стоит!

Пусть народ ропщет...

Египет теряет земли. В провинциях князя подняли головы...

Дождемся, что восстанут боги!

Фараон одряхлел. Посмотрим, как он проведет хеб-сед. Говорят, у него одышка: пробежать кросс не сможет...

В Египте здоровье фараона – свидетельство любви богов!

Дряхлеет фараон – засуха съедает урожаи, скот падает, войны теряют силу...

Да, в последние лет пятьдесят народ Египта празднует победы на стройплощадках. Возведено столько дворцов и храмов, сколько нет ни в одной земле...

Аанен вздохнул: люди не ценят того, что имеют.

В старину фараона, не сдавшего экзамен хеб-седа, могли убить, ликуя: сын соединился с небесным отцом! И шли за молодым фараоном завоёвывать новые земли.

Интересно, сколько земли нужно человеку для счастья? – пронеслась мысль.

Жрец отогнал её. Помнил урок отца: мысли, как птицы, прозеваешь, усядется незнакомая хищница на жёрдочку извилины, склюёт весь мозг.

О чём он думал?

Вспомнил: о проваленном хеб-седе, наказании фараона. Жаль, сейчас вместо кровавой расправы – инсценировка. Смешные похороны в ложной гробнице – кенотафе. А народу вместо безудержного ликования... дозволено свистнуть, воровски пряча глаза.

Впрочем, что ему до услад народа?

Египет надо спасать!

А спасение, как ни странно, в... продлении жизнелюбивого правления фараона Аменхотепа Третьего.

Так что...

Ждёте хеб-седа?

Дождётесь!

Он, Аанен, приготовил чудесный бальзам!

2

Во дворце накалялись страсти: Аменхотепу младшему шестнадцать лет, а он... холостой! Царица Тэе проела мужу плешь: сын созрел!

– Пусть женится на Сатамон, и станет фараоном по закону! – не в меру заупрямился Аменхотеп Третий.

– Но он не может жить без Нефертити!

– Возьмет её в гарем, и все дела.

– Мой брат Аанен, уверяет: брак с Нефертити благословлён богами!

– С твоей подсказки...

– Ты выжил из ума!

– Зато о моём царствовании скажут: Египет при Аменхотепе Третьем был силён законом!

– Законы или корыстны, или глупы. Твой отец не побоялся возвести на престол любовь, нашу с тобой любовь, если память тебе не изменила! И ты будь сыном своего отца! Тем более, закон не будет погран: разве Нефертити не твоя дочь, хоть нянька и не признаётся?

– Скажи ещё: все юноши и девушки Египта... мои дети, – тоном баловня судьбы произнёс фараон.

Легче сдать жене, и плыть дальше по реке жизни на мирной ладье...

– Ну, ладно, ладно, если ты настаиваешь, – романтически закатил глаза Аменхотеп в знак благодарности своей счастливо разделённой любви.

– Боготворю тебя, мой львинолицый муж! – чмокнула фараона в щёку Тэе. – Обещаю: ты будешь выглядеть юношей на этом глупом зрелище – хеб-седе.

– Папа, ты обещал, – плаксиво обнаружила своё присутствие при разговоре родителей Сатамон. – Я замуж хочу, не брат, так сам на мне женись!

– Не сомневалась, чьи это проделки, – будто в первый раз увидела рано созревшую дочку Тэйе. – Обещаю найти в мужья тебе лучшего заморского принца, если дашь клятву ничем не вредить брату.

– самого лучшего? Заморского? Принца? – расслабилась Сатамон.

– Конечно, ты же у меня красавица.

– Красавица? А Мутноджемет говорит...

– Не слушай эту уродину! Вообще, кроме матери, никого не слушай. Я выносила тебя, знаю, ты будешь блистать! – распалилась Тэйе, чуть не сказала: на троне, но вовремя остановилась.

По привычке взвесила, чего ей больше хотелось: защитить сына или обезвредить дочь? Решила: это одно и то же.

Сатамон она не планировала, странно, но капли Аанена всего раз не помешали зачатию...

Её миссия была: родить единственного сына!

Тэйе вспомнила, схватки уже начались, а ей привиделось: солнце превращается в тысячелепестковый лотос, она вдыхает его аромат, дышит так глубоко, что лучи-лепестки проникают в неё, прорастают собственным солнцем.

Тут и подал голос... сын Атона.

С Сатамон всё было иначе. Бёдра не хотели пускать на свет ту, что посягнула разделить с братом материнскую любовь.

От боли она теряла сознание, ей виделась полульвица с головой крокодила, пожирательница сердец Аамат, которая цепким хвостом секла её тело, голодными зубами терзала плод.

Когда увидела дочь, подумала: бессердечная, и не ошиблась...

С тех пор пила тройные дозы капель, приготовленные пристыженным братом. Чрево стало бесплодным...

3

За спиной Нефертити шептались: сын фараона не спешит жениться, поиграет, бросит, и как прочим египетским девушкам придётся ей выбирать, кем быть: жрицей, танцовщицей, акушеркой или плакальщицей. Хотя плакальщицей она не смогла бы стать, даже если бы очень захотела. Она любила смеяться, и смех её звучал сладостнее серебряных сistr. Более того, при звуке её голоса всем хотелось улыбаться...

В свои пятнадцать она казалась девочкой, разбуженной утренним лучом солнца. От неё пахло росой. На неё нельзя было насмотреться: так ласкали глаза линии её лица и тела.

Природа редко посылает людям образцы совершенства, несмотря на то, что гармония – единственный закон бытия.

Но... почему-то... красота вызывает больше зависти, чем поклонения.

Уродливые жаждут превосходства.

Озеро в Малькатте заросло кувшинками. Ладья «Сияние Атона» больше времени проводила у берега. Нефертити любила спускаться на её борт, чтобы побыть одной, поговорить с богиней озера. Иногда она брала с собой котёнка, рыжего потомка Сыночка Солнца, который когда-то нырнул за сверкнувшей серебром маленькой рыбкой, и которого она бесстрашно бросилась спасать.

Как давно это было!

И почему с тех пор её сердце принадлежит тому, кто её спас?

Кто иногда её пугает.

Кто слагает ей, будто богине, гимны.

И кто не хочет жить, как все иные люди.

Изобретает истину в беседах со сторуким Атоном, которому невдомёк, что её избраннику пора жениться.

– Богиня озера, однажды ты меня вернула к жизни. Теперь прошу: дай мне надежду, без которой моя любовь иссохнет, как ручей в пустыне. Я знаю, озеро твоё вырублено в камне по велению фараона. Но любовь искусственной быть не может. Я не умею приказывать ей жить, плескаться радостно. Мне стало мало его стихов. Его слова ласкают только уши. А тело увядает, как пальма без полива, как виноградная лоза без дождя. Дай мне испить любви, – просила Нефертити, перевесившись через борт, ловя своё изображение в зеркале воды...

– А-а, вот ты где! – раздался голос Тутмоса.

– Ты слышал, о чём я говорила?

– Нет, но... не трудно догадаться.

– Ведь ты мой друг, скажи...

– Я и пришёл, поговорить с тобой.

– О чём?

– О любви. Принёс тебе золотую змейку – подарок отца моей матери. Единственное, что осталось... от их любви.

– А ты? – улыбнулась Нефертити.

– А я... хочу жениться на тебе! – бульжником о рёбра ударилось сердце молодого скульптора.

– Ты же мне брат!

– Ну и что? Разве в Египте сёстры не выходят замуж за братьев?

– У нас и отцы женятся на дочерях! – вспыхнула девушка. – Будто мы не люди, а коты и кошки!

– Но я же... не настоящий твой брат, – запрыгнул в ладью Тутмос.

Нефертити не услышала его, продолжала говорить о казавшемся ей оскорбительном сходстве уклада жизни людей и животных, хоть и царственных.

– У них больше свободы! Любой дворцовый кот может найти себе по душе кошку, хоть в лавке торговца, хоть на вонючей улице, где живут скорняки.

– Но если в кошачьем сердце и есть любовь, то... она живёт лишь миг.

– Вчера Мутноджемет гостила у Сатамон...

– Причём тут твоя сестра? – от запаха спелой айвы, исходящего от волос Нефертити, закружилась голова у Тутмоса.

– Не перебивай! Она рассказала: дворцовая кошка для своих родов выбрала постель сестры Аменхотепа. Сатамон увидела, рассердилась, схватила кошку за шкуру, хотела выбросить из спальни, да наступила на котёнка, который выпал, понимаешь, и раздавила его...

– Не знаю, что сказать...

– Не знаешь, не говори! От испуга она швырнула кошку опять на постель, и та родила ещё пять котят, разных мастей, от разных котов!

– Я же говорил: любовь может сотворить только сердце человека, – улыбнулся Тутмос.

– Ничего смешного! Сердцам многих людей всё равно...

– Моему, не всё равно! Ты – его звёздочка! Одна на весь Египет, на весь мир, на всю жизнь...

– Звёздочка? – разочарованно повторила Нефертити. – А настоящая любовь – солнце!

– Откуда ты знаешь? – ревниво спросил Тутмос.

– Когда любишь, дышишь солнцем, а я... не могу надышаться Аменхотепом, так говорит моя няня.

– Но его плоть вместо семени извергает слова! Прости, не знаю, что на меня нашло, – смутился Тутмос. – И жена – не няня! – не ожидая от себя такой смелости, обхватил он руками тонкий стан девушки, прижал к себе.

– Щекотно, твоё дыхание горячее десяти солнц, – колокольчиками рассыпался смех Нефертити.

– Во мне всё горит, поцелуй меня, – прошептал Тутмос так отчаянно, будто его действительно жгли на костре.

– Тогда тебе необходимо охладиться. . .

– Давай нырнём вместе, вдруг богиня озера подарит нам любовь, – наклонился над бортом, потянул за собой девушку пылкий влюблённый.

Золотая змейка выскользнула из его руки, рассекла воду, а он и не заметил.

4

Веки твои тяжёлы, чтобы на ночь плотнее закрыться, душу чистую пряча от демонов ада, чтоб наутро с невинной душою родиться, – послышался вдохновенный голос Аменхотепа младшего, сочиняющего гимн Нефертити, чтобы прочитать ей на богослужении в честь ухода солнца на покой.

Похоже, он не замечал ничего вокруг. Но путь его был к озеру.

– Эхнатон, мы здесь, – окликнул Тутмос, разжимая объятия.

– Ты, как лев, а Нефертити похожа на маленькую птичку, на которую ты не позаришься, потому что она не утолит твоего голода, – обрадовался будущий владыка Нила неожиданной встрече. – Как вы узнали, что я буду здесь? Тутмосу, конечно, открыли тайну камни. А тебе. . . владычица приязни, подсказало сердце? Ладно, гадать не буду. Я и сам не знал, что ноги приведут меня сюда. Народ Египта так ленив, что придумал самое скорое письмо, где значок заменяет слово, иначе глины не хватило бы на пластинки, которые итак кончаются, стоит только начать писать. К тому же поломались рыбы кости. Такая страсть меня обуяла, потерял контроль. Нажим – и хрусть! И хрусть! И хрусть! Не только не на чем писать, но и нечем! Тогда решил я погулять, чтоб поучиться красноречию у финиковых пальм, – с восторгом уставился Аменхотеп на друзей детства, и, вдохновившись, снова продолжал. – Кстати, твои глаза, приятный собеседник гор, похожи на финики. И знаю, твои руки плодоносят, хотя, ты до сих пор не выполнил одной моей просьбы. Она все ещё в силе. Ты принёс мне фигурки только главных богов, которые я растоптал. Но в Египте их сотни! Ладно, даже хорошо, что ты не поспешил. Теперь я поступлю иначе: запрю их в чулан! Ведь, согласитесь, многие из богов – чудовища, страшно на них смотреть! Представляю, как будет ликовать народ, когда узнает, что бог один. Всегда на небе. Всех одинаково ласкает. Вовремя взойдет, жизнь заново творя. И спрячется, даря покой, вернее, смерть нестрашную. Накройся покрывалом, спрячься от воров и ядовитых змей. А утром возродись. Любовь моя, с тобой мы будем встречать Атона и провожать, молясь и принося ему дары, – Аменхотеп младший протянул Нефертити руку, приглашая сойти на берег.

– Жду приглашения на свадьбу, – выпрыгнул вслед Тутмос.

– На свадьбу? – удивился сочинитель гимнов.

– Ты же сказал. . . – онемел жрец камней.

– Конечно, но сначала надо до последнего дома построить столицу Ахет-Атон! – одарил улыбкой окружающих будущий владыка Нила.

– Небосклон Атона? – растерянно уточнила Нефертити.

– Тебе нравится?

– Нравится.

– А тебе, Тутмос?

– Лет через двадцать, тридцать, построим, – спрятал усмешку в уголках искусно вылепленных губ некоронованный король камня.

– Я имел в виду... в голове. Ведь Атон был прежде пустоты, и не вышел на небо, пока всё не продумал! И людям дал круглую голову, чтобы рождала солнечные мысли...

– А помнишь сказку о двух солнцах? – спросила Нефертити. – Тутмос рассказывал.

– О двух? – напряг память сын фараона. – Да! Люди наказали вечернее солнце за то, что... им хотелось спать. И теперь мой любимый Атон зовётся Солнцем двух горизонтов! И Тутмос, запомни, храм в его честь будем строить с востока на запад.

– Когда приступим? – буркнул скульптор.

– Приходи завтра. Мама забросила дворец в Малькатте. А я люблю его. Здесь, на берегу, мы будем тебя ждать...

Голову не забудь, хотел съязвить Тутмос, но промолчал: если Нефертити дышит Аменхотепом, разве он вправе унижать его в её глазах?

Кажется, все кошки Египта решили поточить когти о его сердце...

5

Дома у него не было, Тутмос отправился в горы. Его голова, как богиня Нут, рождала и пожирала собственных детей – мысли.

Аменхотеп болен недержанием слов...

Считает себя властителем мира...

Глупец, каменные изваяния пережили столько фараонов...

Нефертити, открой глаза, твой избранник сумасшедший!

Помнишь, как он плакал над оторванным крылышком стрекозы?

А однажды пообещал отрубить мне голову...

Как можно любить юношу, похожее... на мечтательную девушку?

Если я тебе – брат, то он... сестра!

Тутмос остановился, мысли с лёту вонзились в лоб.

Прости, Нефертити, дочь вечернего солнца, не вовремя заговорил я о своей любви, понадеялся, раз обо мне говорят люди...

Фараон восхищён, царица подарила золотой браслет...

Я и сам думаю: аллея удалась.

Спасибо Беку, доверил заказ...

Мысли о работе вернули хорошее расположение духа. Год назад жена фараона Тэие приказала обозначить дорогу ко дворцу двумя рядами сфинксов. А он, Тутмос, взял на себя смелость переиначить задание: открыл аллею группой диких львов, готовых разорвать любого, кто намеревался придти с недобрыми намерениями. За львами резвились львицы со львятами. За ними, будто выслеживая добычу, распластались молодые львы...

И только у самого дворца, на постаменты, он посадил пару сфинксов в капюшонах встревоженных кобр. Физиономии сфинксов напоминали лица фараона и его жены.

Бек наблюдал за его работой, посмеиваясь, но каменотёсам велел во всём слушаться молодого скульптора.

А он старался изо всех сил, надеялся: увидит избранница его творения, поймёт, каким богатством наградил его бог камня, полюбит...

Но! Львы – те же кошки. Любовь их сердца мимолётна. А Нефертити ищет вечного спасения... в незрелом сердце Аменхотепа.

Тутмос не заметил, как очутился у стены известняка, из которой каменотёсы вырезали заготовки для будущих скульптур.

Солнце садилось, унося с собой краски.

Горы согласны погубить себя ради того, чтобы воскреснуть в тысячах статуй, пронеслась мысль, в них тоже живёт тяга к совершенству...

– Бог камня, ответь, разве мы с Нефертити не созданы друг для друга? – закричал Тутмос так, что Атон на западе вздрогнул.

Её жребий – быть царицей Египта, отозвалось эхо.

– Но я хочу быть рядом с ней! Всегда!

В гробнице, одной на двоих...

– Тогда... да здравствует загробная жизнь, в которой нас никто не сможет разлучить!

Воспев хвалу загробной жизни, Тутмос почувствовал недомогание. Казалось: спустившиеся на землю тени вползают в его тело, в извилины мозга. Он выхватил из кожаной сумки резец, стал бить им по камню. Ему хотелось раз и навсегда разделаться с соперником. Или, хотя бы, с его дерзкой просьбой...

Странно, наперекор природе, сумерки в душе сменились светом. Резец успокоился, привычно стал размечать размеры задуманных заготовок.

Простите меня, боги Египта, вам предстоит каменное рабство...

Никому не желаю смерти.

Всегда думал, можно спастись любовью...

Хотел даже во спасение рассказать Аменхотепу, что Нефертити чувствует себя с ним нянькой, да не смог: для мужчины это унижение...

Для мужчины, у которого формы... округлы?

Спрашивал себя: не выставить ли напоказ его уродство?

В ответ услышал: солнцепоклонник будет восхищён, в окружностях увидит и воспоёт своё родство с Атоном!

Нет выхода.

Остаётся ждать, когда жизнь, как Нил, утечёт в подземное царство...

Когда закончил работу, Тутмос увидел: руки его в крови.

Вдруг вспомнил: золотая змейка, где она?

Эхо донесло слабый всплеск воды.

Он улыбнулся: урей утонул, но его любовь никогда не утонет! Сам бог камня пообещал ему вечную загробную жизнь с Нефертити!

6

Утром, прежде чем открыть глаза, Тутмос глубоко вдохнул пахнувший солнцем воздух. Для того чтобы ожить, одного глотка показалось мало...

Нефертити права: солнцем можно дышать!

Даже живот радуется Атону, прозаически подумал ночной отшельник.

Ещё вдох. Ещё... пока солнечный смех не защекотал струны души, не вырвался наружу.

Кажется, я смогу быть счастливым!

Тутмос подскочил, раскинул руки, хоть лепи с него бога Шу. Увидел небо цвета молодой бирюзы, красноватое золото солнца, нескончаемые отроги известняка, закричал: *вот оно, счастье!*

Слова родили невиданную энергию. Он решил вернуться в мастерскую, рассказать Беку о полученном от сына фараона задании, взять инструменты, людей...

Сколько богов в Египте?

Больше двух тысяч!

Ничего, справлюсь, приветственно помахал Атону будущий главный скульптор Египта.

На пороге мастерской его ждал знакомый желтолицый лекарь.

Пленный раб, он сам освободил себя, излечивая от болезней жителей квартала каменотёсов. Впрочем, жители других кварталов тоже протоптали тропы к его саманному домику.

Из-за спины лекаря выглянули огромные глаза чумазого мальчишки.

Тутмос поймал его взгляд, будто охотник добычу.

Загнанность зверя, желание жить...

Страх и отвага...

И ещё... насмешка над временными трудностями.

Пожалуй, такой палитры чувств даже ему не приходилось переживать в сиротском детстве.

– Вот, привёл тебе вора, – сказал лекарь, встряхнув за шкирку пацана лет семи, милостиво добавил, – который ничего не украл, потому что у него лицо... не вора.

Услышав замечание азиата о лице, Тутмос приготовился слушать.

– Залез ко мне в дом, был голодный, но... съел глазами... только твою двуликую статуэтку. Помнишь?

Ещё бы не помнить?!

– Иногда искушение может превратить царя зверей в козла отпущения, – сказал безымянный раб на заре их знакомства. – У зверей самое большее – два лица, у людей – много. Для вас главное имя, для нас... лицо, единственное, своё, которое сначала надо найти, потом... не потерять, чтобы дать богу шанс подарить ему вечность.

Тогда он мало, что из сказанного понял. Но двуликого льва-козла из золотистого песчаника вырезал, подарил лекарю своей сиротской души.

– Как тебя зовут? – спросил мальчишку Тутмос.

– Май. Я видел, как ты делал львов. У одного кисточка хвоста слишком маленькая, камня, что ли, пожалел? – неожиданно бойко представился оборванец.

– Ого! – не смог скрыть удивления Тутмос.

– Слушай, слушай, у него лицо друга, – хмыкнул довольный лекарь. – Не будет у тебя вернее ученика, если, конечно, возьмёшь его к себе...

– Если так, возьму. Но, ты никогда не говорил, нашёл ли я своё лицо?

– Нашёл. Сегодня утром.

– Лицо камня?

– Лицо любви, – стал бить поклоны всезнающий раб, давно нашедший своё... *лицо лекаря.*

– Лицо любви? – переспросил Тутмос.

– Любовь – лучший скульптор, – загадочно ответил азиат.

Захотел быть счастливым, и, кажется, уже началось, подумал создатель будущих шедевров изобразительного искусства.

Часть вторая

Мечты, мечты...

Глава первая

1

– Смотри, «Сияние Атона» грустит, как привязанный сокол, но солнце ещё отражается в его полированном кедре, а, значит, он жив, и готов помчаться по водной глади, – взял за руку Нефертити восторженный сын фараона.

– Качается в колыбели, как ребёнок, – нежно заметила девушка.

– Здесь ты из озера явилась как богиня...

– Я помню, огромный нубиец из гребцов тряс меня вверх ногами...

– И брызги летели, как дождь, и сверкали, как маленькие солнца. С тех пор они окружают меня, помогают слагать гимны всему живому, а мёртвого нет на земле...

– Музыка твоих слов меня чарует, – прислонилась Нефертити к плечу солнечного поэта.

– Твои уши созданы для них. Ладно, признаюсь заранее, скоро я построю тебе семь спален...

– Почему семь?

– Число жизни. В нём живёт магия. Оно – хвост ящерицы, который вырастает вновь и вновь. И у нас с тобой будет семь детей. Шесть сыновей, и одна дочь. Ты будешь жрицей Атона. Утром, вместе отслужим ему молебен, потом возляжем на ложе, показать Владыке Небе, что я следую его примеру, оплодотворяю лучами землю. Ты – моя земля. И небо. Потом подкрепимся вином. Выйдем в сад, где всё будет благоухать, и радовать глаз. Тебе в подарок я посажу аллею финиковых пальм...

– А я тебе – цветочную поляну, куда будут прилетать бабочки со всего Египта, – нашла момент, чтобы подать свой голос Нефертити.

– А потом мы будем спускаться в город. Смотреть, как люди трудятся. В нашем городе все будут при деле...

– Ты говоришь о Фивах?

– Нет. Я же сказал, мы построим Ахет-Атон. Солнечный город. Его уже много у меня в голове...

– А Тутмос украсит храмы и дворцы статуями и барельефами?

– Он воздаст благодарность Атону в камне. Каждый миг нашей жизни станет вечностью, – ещё больше вдохновился Аменхотеп, и вдруг побледнел. – Не понимаю, кто придумал ночь, ведь она – смерть?

– Не грусти, ты же сам говорил, жизнь как ящерице: голова – день, хвост – ночь. Оторвётся, вырастет новый, – убаюкивающее произнесла Нефертити.

– Не грусть разрывает мне сердце, а опасение, что, построив солнечный город, не разрушу мрачные крепости, которые люди соорудили в своих головах. И многим их придётся лишиться. Чтобы гармония восторжествовала...

– Ты пугаешь меня, – отстранилась Нефертити, чтобы посмотреть в лицо будущему владельцу двойной короны.

– Я и сам себя... иногда пугаюсь, – дрогнул голос юного реформатора.

Что-то дёрнулось в его лице. Нефертити показалось, сейчас Аменхотепу младшему вновь придется сражаться с духом льва-фараона, и... она приникла губами к его губам. Он растерялся. Поцелуй сначала показался ему насильем. Но губы девушки были так нежны и прохладны, что ему захотелось приникнуть к ним, как к источнику в пустыне. Жар опалил его. И он отстранил Нефертити, чтобы воспеть этот костёр, впервые разожжённый в нём женщиной...

Шестнадцатилетний сын фараона был девственником.

2

Тутмос видел этот поцелуй.

Поцелуй любящей няни, не больше...

– Друг, ты вовремя, – обрадовано приветствовал своего архитектора Аменхотеп. – Я выносил мысль: в Городе Солнца мы построим улицы в виде лучей и дисков. А в центре будет стоять храм Атону, высотой до неба, чтобы он мог спускаться к нам в гости. Вокруг соорудим девять дворцов фараона: один мой, другой – Нефертити, шесть для сыновей, один для дочери. Малый диск. Дворцы соединим галереями. Второй круг составят дома знати, может, и третий: бог любит богатых людей! А вот, как устроить торговцев с ремесленниками, ещё не решил...

– Ремесленники должны жить рядом, чтобы учить друг друга лучше печь хлеб, варить пиво, шить сандалии, чеканить кубки, – заразился Тутмос азартом строителя.

– Согласен! Можешь сделать макеты?

– Конечно, могу...

– Когда пойму, что маленький Ахет-Атон готов, стану фараоном, женюсь на Нефертити, и...

– Начнём перестраивать Фивы? – с затаённым дыханием спросил Тутмос.

– Пока не скажу, – на миг нахмурился Аменхотеп, и снова засиял. – Знай только, это будет самый красивый город Египта, в котором детям будут рассказывать самые красивые сказки. Я уже их сочинил. В них никто никого не будет бояться...

– А сказку о двух солнцах мы будем рассказывать своим сыновьям? – нежно спросила Нефертити.

– Нет! Им хватит одного! – без тени сомнения принял решение будущий фараон и отец. – Пример солнца двух горизонтов полезнее. Будут с детства трудиться, как Атон, или как Тутмос. Вчера перед вечерней молитвой я долго гулял в аллее сфинксов. Твои львы, как живые. Особенно понравился один, лев-фараон: дремлет, но вот-вот проснётся, чтобы навести порядок...

– В архитектуру некрополя тоже надо будет внести изменения, – авторитетно заметил Тутмос.

– Зачем нам некрополь? Загробного мира не будет. Сколько раз взойдёт утром Атон, столько и проснутся солнцеголовые люди. И больше о гробах ни слова!

Самая смешная сказка, которую я когда-нибудь слышал, подумал главный жрец Ра, прячась за пышными кустами цветов, интересно, что скажет по этому поводу мудрый бог Тот?

Нефертити насчитала семь солнечных пятен, румяными лепёшками крутившихся у головы будущего фараона и супруга.

Тело её ныло от истомы: ещё бы, предстояло родить семь детей, а голова пыталась произвестить на свет хотя бы одну солнечную мысль: *подожду, пока Аменхотеп не начнёт превращать свои сказки в жизнь...*

Солнце всегда восходило, а людей хоронили; бог камня мудрее сочинителя сказок, злобно рассудил Тутмос. Аменхотеп впервые предстал перед ним в... неземном сиянии, казался красивым, пальцы услышали музыку его души и потянулись к податливой глине...

3

Вся деятельность воспитателя сводилась к слежению за тем, чтобы сын фараона вовремя принял пищу. Духовно он был сыт постоянно. Поучительных бесед не переносил.

Эйе вспомнил, как однажды нравоучительно заметил: бог Амон помог Тутмосу Третьему совершить семнадцать походов против Сирии и привести в Египет сотни тысяч пленных, на что воспитанник отреагировал критически: больше всех сирийцев, вместе взятых? И разошёлся: гиксосы попрали власть нашего Ра, навязали Амона с разными головами: то барана, то шакала. Не говори мне больше о нём!

Сам Эйе был куда покладистее. Отца слушал во всём. Прошло много лет, а он наизусть помнит...

На троне правит Амон, а не фараон!

Бог, меняющий головы, нам – лучший друг.

Жрецы Амона – самая сильная партия Египта.

Держись Аанена, он помог сестре стать царицей, поможет и тебе...

Женись на сводной сестре фараона, рыжеволосой Тиш...

Я выхлопотал тебе должность начальника архива, а ты припиши Амону подвиги, сколько краски хватит...

Ему и в голову не приходило, возражать.

А этот несносный мальчишка где-то набрался... своих слов, чужим не верит. Вообще, ни на кого не похож: в спортивных состязаниях не участвует, не охотится, не бегаёт за девушками...

Верен своей Нефертити! Что, впрочем, хорошо...

В благословенный час он, Эйе, превратится в отца царицы, тестя фараона, а там, кто знает, Аанен обещает, но об этом, пока, лучше помолчать...

А Тутмосу уже сейчас быть рядом с его дочерью... не место! Смотрит, как крокодил на ягнёнка. Играет мускулами. И... кто знает? Кто, вообще, поймёт этих женщин? Что им надо?

Надо...

Надо что-то делать!

Эйе понял, что...

Мутноджемет подросла. Налилась соком, груди как наконечники стрел. Не сводит с камнетёса глаз. И ей он – завидный жених. Потому что, не скроешь, младшая дочь не удалась. Не вышла ростом...

Ноги короткие, да разум долог!

Уговаривать её не придётся: слушает отца, как он когда-то принимал на веру каждое слово предка. Соблазнить, глазом не моргнёт! С глазами, кстати, у неё тоже не всё в порядке: один зелёный, другой коричневый. Но живости не занимать.

И язык... острее дротика, не промажет, не помилует.

Кстати, Аанену надо подсказать: дети подросли, пора старому фараону на покой, а то на ногах уже не стоит, распухли, как колоды.

И раньше-то толку не было.

Вся власть в руках... пастушки Тэйе.

Впрочем, о сестре жреца лучше помолчать.

Женщины в Египте имеют большую силу. И, кто знает, может, сбудется пророчество жреца Амона: дочери усадят его на трон фараона...

4

Аанен открыл ключом потайную комнату, где жила в загородке молодая песчаная Эфа. Залюбовался жёлтыми кругами, нарисованными неизвестным художником на её спине. Кстати, такие же солнечные пятна плавают в воздухе рядом с племянником.

Аменхотеп, Аменхотеп!

Как понять, кто ты: сочинитель сказок, или бунтарь?

В шестнадцать лет... дитя малое.

А что, если... вместо игрушки... подарить ему...

Мысль заартачилась.

Подарить ему! – натужно выкрикнул жрец.

Змея сложилась полумесяцем, гремя чешуями, отползла в дальний угол, оставляя клинописную строчку: *изгони страх из Фив...*

– Спасибо за послание, бог Тот! Пусть будут неисчислимы ибисы, которых принесу я тебе в дар! – обрадовано пробормотал Аанен.

Решение созрело, мысль выскользнула из извилин, простая и безобидная, как уж.

Вместо игрушки сыну фараона следует подарить... возможность построить сказочный город на берегу настоящего Нила, где неосвоенных земель сколько угодно!

Уговорить сестру не составит труда.

Заказывала сыну маленький трон, закажет и город... в обмен на эликсир для своего муженька.

Сдаст Аменхотеп Третий экзамен хеб-седа, и она не выпустит власть из рук! А ради власти, на что не пойдешь...

Изгоним сына фараона из Фив, заживём, как прежде...

Тэйе, надо воздать должное, управляет ближним и дальним Египтом умело. Баркасы плывут по Нилу, везут дань. Прибывают караваны верблюдов. Люди имеют страх, несут дары богам...

Благостное настроение исчезло, как только Аанен вновь взглянул на послание.

Изгони страх из Фив!

Изгони... страх.

Ну, не вообще же...

Страх страху рознь. Иной, слаще мёда.

Скорей всего, Тот указывает на Аменхотепа, решившего уничтожить загробный мир.

Неужели бог испугался мальчишки?..

5

– Отчего, моя законная супруга, ты ещё как девочка бегаешь. А мои члены тянут меня к лежанию? – капризно спросил Аменхотеп Третий накануне хеб-седа. – Завтра я не пробегу и десяти локтей. А если присяду, не встану. Знай, любимая моя жена: не исполнишь своего обещания, мою статую похоронят, а Сатамон выберет себе жениха из гарема, будущего фараона. И это будет по закону!

– Любимый мой муж, – с медью в голосе начала свой ответ царица Тэйе. – Разве когда-нибудь я не выполняла своих обещаний? Завтра Фивы увидят фараона Аменхотепа Третьего, прыткого, как молодой лев. Народ тебя любит. Помнит наши пешие прогулки, когда ты раздавал беднякам лепёшки, а усердных строителей награждал золотыми кубками. Убедившись

в бодрости твоего духа, египтяне возрадуются! А вскоре ты провозгласишь нашего сына фараоном-соправителем, и подаришь ему долину, чтобы он построил там храм Атону!

– Кто помнит былое? – заупрямился владыка Верхнего и Нижнего Нила.

– Не скрою, пришлось освежить память народа.

– Освежить? И как же?

– Уже месяц, как верные люди растворились в воздухе Фив, чтобы где-то напомнить, как щедр ты был, и своим миролюбием сохранил египтянам много крови. В другом месте рассказать, что у ног нашего сына львы ложатся, как кошки, чему свидетелями были тысячи, и что является знаком избранности будущего фараона. К тому же, завтра в Фивы войдёт караван с золотом, душистыми специями, ладаном и другими благовониями. Народ Египта решит: ты им нужен!

– Спасительница!

Ровно в полночь царица открыла заветный флакон.

Фараон выпил жгучую жидкость, оставшиеся капли Тэ́йе втёрла ему в кожу груди.

Вскоре дух его встал на дыбы.

Церемония началась при большом скоплении народа, под пение женского хора. Платья из тонкого гофрированного льна скорее раздевали, чем одевали певиц. Голоса их звучали сладко, и пьянили как медовая брага. Они объяснялись в любви фараону, лучшему из всех, кто был до него, и тех, кто будет. Хотелось им подпевать...

– Я родил шесть сыновей, шестнадцать дочерей. Потрудился на славу! – гордо поднял львиную голову Аменхотеп Третий. – С помощью дипломатического искусства выиграл множество войн, вернее, погасил их, некоторые ещё тлеют, но, обещаю, не разгорятся. И мужья будут при жёнах, и дети будут рождаться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.